

**Елена
Арсеньева**

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

**Сёстры –
соперницы**

Русская красавица

Елена Арсеньева
Сёстры-соперницы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Сёстры-соперницы / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
2019 — (Русская красавица)

ISBN 978-5-04-098896-9

Дочери князей Казариновых похожи как две капли воды — но какие разные у них судьбы! Александра — завидная невеста для лучших женихов Российской империи. А Лючия, похищенная при рождении авантюристом Бартоломео Фессалоне, превратилась в расчетливую куртизанку. Они могли бы никогда не узнать друг о друге, но чья-то злая воля заставила Лючию... приехать в Россию и занять место сестры, которую ждало венчание с князем Извольским... А как же быть Александре, которую силой везут в Италию? Неужели ей придется заняться ремеслом сестры — или погибнуть?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098896-9

© Арсеньева Е. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	28
Часть вторая	34
Глава VII	34
Глава VIII	40
Глава IX	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Арсеньева

Сёстры-соперницы

Часть первая

Лючия

Глава I

Напасти жизни

Лючия высунула нос из груды мехов – не пахнет ли кофе, а еще лучше – горячим шоколадом, самым модным напитком в этом году. Ах, что может быть лучше, чем проснуться в теплой постели, в нагретой жаровнями спальне и вкушать чашку шоколада, смешивая сладкие глотки с еще более сладкими мечтами.

Вот оживленное общество собралось в ее роскошной спальне. Лючия полулежит в постели. Дезабилье ее состоит из спального платья, вышитого серебром и убранного розовыми лентами, золотистые локоны перевиты жемчужными нитями, на шее черная бархотка, точь-в-точь как у мадам Помпадур. Вот один из ее чичисбеев¹ прибежал сказать, что новая гондола ждет внизу...

Забывшись, Лючия откинула мех и задрожала, когда холодный ветер от лагуны коснулся ее лица. В окне было разбито одно стекло, а промасленная бумага, старательно расписанная золотой краской под вид затейливого переплета, могла обмануть невзыскательный взор, но уж никак не январскую стужу!

Да, среди привычных напастей жизни были две особенные: холод и безденежье. Холодно, сыро, и все наряды Люции, поутру небрежно сброшенные у постели, так и валяются неприбранными. Похоже, Маттео, их с отцом единственный слуга, не сыскал за весь день ни минуты, чтобы зайти к госпоже и привести ее одежду в порядок. А ведь скоро приедет князь Анджольери!

Лоренцо Анджольери! В жизни своей не встречала Лючия человека, менее похожего на ангела². Красавцем не назовешь, но какое страстное, притягательное лицо... а главное, какое несметное богатство! Его недавно купленное и отремонтированное палаццо ярко светилось по ночам над тусклым зеркалом Большого канала всеми своими восьмьюдесятью окнами, и, когда Лоренцо задавал балы, сотни гондол с факелами и разноцветными фонарями подъезжали сюда и отплывали, высадив веселых гостей...

От этого чудесного воспоминания сумрак вокруг Люции показался еще мрачнее. Не переставая кутаться в мех, она сползла с постели и, хвала Мадонне, не промахнулась, попав в туфельки, а не на ледяной пол. Нашарила на столе подсвечник и ощупью побрела в залу – искать, от чего можно зажечь свечу.

За окнами сгущалась вечерняя синева, играла музыка, толпа журчала, точно река по каменным плитам.

– Ох, ну и заспалась же я! – пробормотала, зевая, Лючия. – Надо поспешить. Пока соберусь... князь обещал заехать не позднее полуночи.

¹ Чичисбей – весьма емкое понятие в Венеции XVIII в.: друг дома, поклонник, рыцарь дамы, сопровождающий ее вместо мужа; иногда – любовник.

² Фамилия образована от слова *angelo* – ангел (*итал.*).

Она зябко передернулась, вспоминая, как смотрел на нее Лоренцо, прощаясь: Лючия уже стояла на ступеньках террасы, а он – в гондоле, так что лица их были на одном уровне и, казалось, достаточно малейшего колебания волны, чтобы губы их соприкоснулись. И он прошептал – Лючия ощутила его жаркое дыхание:

– О, прекрасная, вы приобрели сегодня дурное знакомство! Я распутник по профессии!

За этими многообещающими словами, увы, ничего не последовало, и Лючия после неловой паузы ушла в дом, усмехаясь про себя: о том же самом она могла бы и сама предупредить Лоренцо, только слово «распутник» следовало бы употребить в женском роде. Право же, Анджольери слишком мало еще прожил в Венеции, чтобы вести о похождениях несравненной Лючии Фессалоне в полной мере дошли до его ушей, а впрочем... впрочем, если она правильно прочла в его жгучих очах, он будет только счастлив узнать, что она дает куда больше, чем обещает, хотя и обещает безмерно!

О господи, но где же отец? Где Маттео? Есть хоть кто-нибудь в этом темном доме?..

И тотчас послышался легкий шорох шагов по мраморным плитам. Лючия узнала походку Маттео и с облегчением вздохнула. Сейчас он зажжет свет, подаст вина, принесет жаровню, согреет воду для ванны, сбегает в лавочку – у Лючии кончилась розовая пудра, а нынче ночью она хотела быть перед Лоренцо непременно в розовом, ну и волосы, разумеется должны быть напудрены розовой пудрой. Розовое и золотое – она будет похожа на дивное лакомство, которое Лоренцо захочет, непременно захочет отведать. Но ему и не снилось, сколько будет стоить каждый глоточек, каждый кусочек...

Но вид верного слуги явственно указывал на то, что случилось нечто ужасное.

– Что произошло? – воскликнула Лючия. – Где ты был? Почему меня не разбудили раньше? Где отец?

– О синьорина... синьорина, – прошептал Маттео и осекся.

– Ради всего святого! – топнула ногой Лючия. – Ты меня пугаешь! Немедленно отвечай, что случилось, и приготовь мне ванну.

Гримаса боли искривила лицо верного слуги, из глаз хлынули слезы, и Маттео выдохнул:

– Он умер, синьорина Лючия! Ваш батюшка умер! О, лучше бы я оказался на его месте!

И Маттео зарыдал в голос, неловко утираясь левой рукой, а в правой сжимая подсвечник, который дрожал в такт рыданиям, и страшные тени плясали, сталкивались на стенах осиротевшего палаццо Фессалоне.

* * *

Иисусе сладчайший! Отец умер!.. Бородатый Бартоломео Фессалоне, настолько не похожий на мелких душою и телом венецианцев нынешних времен, что никто не признавал его за соотечественника; Лючии он всегда казался бесшабашным цыганом – не столько по происхождению, сколько по авантюрному складу характера. Да она ничего не имела против, ибо любила этого лукавого человека, стремившегося подражать патрициям былых времен, особенно обожаемому им Пьетро Аретино³, и даже мечтал о такой же смерти, какая поразила его кумира: Аретино умер, когда слушал какой-то непристойный рассказ и так бешено хохотал, что опрокинулся со скамьи затылком на каменный пол и расшибся.

Судя по словам Маттео, отец умер тоже мгновенно: мощным ударом он был сброшен в канал. А после того как несчастный достаточно долго пробыл в воде, чтобы наверняка умереть, труп его вытащили, положили на ступеньки палаццо, спускавшиеся в уединенный каналетто⁴, а к борту камзола прикрепили записку: «Impressario in angustia»⁵. Точно так называлась

³ Знаменитый венецианский богач, авантюрист, друг и покровитель Тициана.

⁴ Маленький канал.

одна из опер-буфф Чимарозы, и дело было даже не только в этом: Фессалоне в модных кругах давно прозвали Импрессарио, ибо именно его заботами прекрасная Лючия стала той, кем стала: опасной светской авантюристкой и охотницей за мужчинами – вернее, за их кошельками. И вот теперь *impressario* воистину *in angustia*... А что же делать его актрисе?!

Лючия была так ошеломлена, что даже не могла плакать, и только недоверчиво вглядывалась в залитое слезами лицо Маттео:

– Но что же сделал отец, за что его убили?!

Маттео удрученно покачал головой:

– Не знаю, синьорина. Этого я не знаю. Однако же батюшка ваш, похоже, предчувствовал свою внезапную кончину и не единожды наставлял меня: «Маттео, тебе одному из всех людей я верю и только тебе могу вручить судьбу моей дочери. Запомни: если со мной что-нибудь случится, немедленно отведи синьорину в мой тайный кабинет и открой секретный ящик в стене – ты знаешь, о чем речь! Там она увидит свиток бумаг. Пусть прочтет их сразу, как только узнает о моей смерти. И если после этого она пожелает покинуть Венецию, даже не бросив горсти земли на мой гроб, знай, что я на том свете не буду на нее в обиде». Клянусь Мадонной, синьорина, – произнес торжественно Маттео, – хозяин говорил мне именно эти слова, а потому, прежде чем вы увидите его мертвое тело, извольте последовать за мной в его кабинет.

– Да ты спятил! – возмущенно воскликнула Лючия. – Убит мой отец, а я пойду читать какие-то старые письма?! Я должна узнать, кто совершил злодеяние, чтобы отомстить, а ты...

– А я, – перебил Маттео так твердо, как никогда еще не осмеливался говорить со своей госпожой, – а я настаиваю, чтобы вы прежде всего пошли и исполнили последнюю волю покойного, а потом все остальное, не говоря уже о том, – добавил он, понизив голос, – что в письме вы можете найти указание на того неведомого врага, чья рука поразила вашего батюшку.

Что ж, если так хотел отец...

Лючия взяла свечу, приказала:

– Веди!

Пройдя анфиладу комнат, они вошли в просторную мыльню, где в бассейне тускло поблескивала вода. Ступая как можно осторожнее, чтобы не поскользнуться на влажном полу, Маттео проследовал в нишу, где стояла низкая скамья с удобно выгнутым изголовьем в виде лежащего грифона, и нажал на обычную с виду каменную плиту. Казавшаяся недвижимой скамья легко отъехала в сторону, и трепетный свет вырвал из мрака ступени узкой и крутой лестницы, ведущей вниз. И Лючия вспомнила слова отца, на которые она сперва не обратила внимания: «тайный кабинет». Тайный!

Конечно, это был никакой не кабинет, а просто каморка, находящаяся столь глубоко в подвалах дворца, что здесь царила особая промозглая сырость, и Лючии даже почудилось, будто она слышит тяжелое течение вод каналов, огибавших палаццо Фессалоне. От холода и волнения ее билась сильная дрожь. Почему-то казалось, что ничего хорошего ей не даст чтение каких-то там заплесневелых писем. И предчувствуя ее не обманули, хотя бумаги вовсе не оказались заплесневелыми: они были надежно завернуты в вощеную бумагу.

Лючия нехотя развернула первый пакет и увидела стремительный почерк отца:

«Дорогая моя Лючия! Если ты читаешь это письмо, значит, человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне, уже нет на свете. Похоже, кто-то из тех, перед кем я не раз грешил, наконец-то помог Паркам⁶ перерезать неровную нить моей жизни...»

⁵ «Импрессарио в затруднении» (итал.).

⁶ Три богини судьбы в древнеримской мифологии: Нона прядет нить человеческой жизни, Децима наматывает кудель на веретено, распределяя судьбу, Морта перерезает нить, заканчивая жизнь человека.

Что это значит: «Человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне»?! Так это не настоящее имя отца? Но когда так – она, стало быть, тоже не Фессалоне и даже, может быть, не Лючия?!

Лючия обернулась к Маттео:

– Ты знаешь, что здесь написано? Ты читал это?

– Да, – шепнул Маттео.

Ну, разумеется! Этот хитрец всегда знал о своих хозяевах все и даже больше!

– Это правда – что пишет отец? Нет, быть такого не может!

– Умоляю вас, синьорина, читайте дальше не мешкая, – скорбно пробормотал Маттео. – И знайте: здесь все истинная правда, каждое слово!

Обреченно вздохнув, Лючия вновь принялась читать с самого начала.

* * *

«Дорогая моя Лючия! Если ты читаешь это письмо, значит, человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне, уже нет на свете. Похоже, кто-то из тех, перед кем я не раз грешил, наконец помог Паркам перерезать неровную нить моей жизни. Всего тебе знать не нужно. Много, очень много я унесу с собой в могилу, но мне хотелось бы получить прощение от единственного существа, которое я истинно любил во всю жизнь и перед кем истинно повинен. Это ты, Лючия...

Первый раз пишу тебе, не осмеливаясь более назвать дочерью, ибо, хотя я любил тебя со всей нежностью отеческой, ты мне, увы, не дочь. Более того! Я оторвал тебя от чаши, переполненной самыми счастливыми дарами судьбы, о каких можно только мечтать. Но позволь мне поведать тебе о том, что произошло 18 лет назад.

Бьянка Фесаллоне, та женщина, которую ты, никогда не видя, привыкла почитать своей матерью, тогда была еще жива. Она только что разрешилась от бремени, произведя на свет мертвую дочь. Это было для нас истинной катастрофой, что врач удостоверил: Бьянка никогда более не сможет иметь детей, даже если и останется жива, что будет подобно чуду, так много крови она потеряла.

Я был вне себя от горя, я умолял доктора приложить все усилия, я обещал отдать все, что у меня есть, для спасения жены, однако этому мерзавцу не было никакой охоты возиться с умирающей.

– Господь милосерд, – изрек он равнодушно, – и все мы – его дети. Пусть синьора пока полежит, обьятая спасительным сном, а я сейчас отправлюсь к русскому князю Казаринову – его супруга вот-вот должна разродиться! – и потом ворочусь к вам. Впрочем, извольте вперед расплатиться, синьор!

Я сунул ему горсть цехинов, две горсти... я не соображал, что делаю. Я знал доподлинно: если даже Бьянка очнется, весть, что ребенок погиб, убьет ее быстрее пули, попавшей в сердце. В то время как сладостный крик младенца мог пробудить ее к жизни!

Решение родилось в моей голове мгновенно. Я не чувствовал себя ничем обязанным равнодушному врачу – я ненавидел его, как лютого врага. Он вышел из мрачной спальни – я за ним. Он ступил на крыльцо – я взмахнул рукою... Он упал. Я обшарил его карманы, взял его сумку с инструментарием. Я не мог оставить доктора валяться здесь: очнувшись, он мог выдать меня. Один толчок – и баста! Вода сомкнулась над трупом, а я свистнул гондольеру и велел вести меня в палаццо близ моста Риальто, где остановился русский дипломат, у жены которого начались преждевременные роды. Но сначала я попросил отвезти меня на окраину, к фабрикам Морено, где жила одна женщина, занимавшаяся повивальным делом и известная по всей округе не столько мастерством своим, сколько умением обделывать самые разные делишки.

До сих пор страшно вспомнить сумму, которую я посулил ей, чтобы она исполнила мою волю. Впрочем, я все равно не заплатил, так о чем беспокоиться?..

Итак, мы явились в дом этих русских. Князя, помнится мне, звали Серджио – по-русски Сергей; его княгиню – Катарина: если не ошибаюсь, это имя по-русски звучит совершенно так же. Я назвался именем злополучного доктора. По счастью, моя сообщница отменно знала свое ремесло, и через бессчетное, казалось мне, количество времени благополучно приняла младенца, которого я жадно схватил в свои объятия и устремился к окну, под которым ждала гондола. Я ожидал, что повитуха поспешит за мной, но она замешкалась: мол, нужно извлечь послед, чтобы княгиня не умерла от заражения крови, – и вдруг воскликнула: «Санта Мадонна! Это не послед, это головка второго ребенка!»

О Мадонна! Какое облегчение снизошло на мою душу! Значит, я никого не обездолил своей кражей!

Повитуха была особа весьма сообразительная и мгновенно смекнула, что теперь можно изобразить дело так, будто у княгини родилась не двойня, а всего лишь один ребенок. Не будет ни преследования, ни угрызений совести – она получит солидное вознаграждение от князя да еще сдерет с меня увесистый кошель золота!

Итак, мы условились о встрече завтра, когда я расплачусь с ней, и она осталась принимать второе дитя, в то время как я с ловкостью циркача выбрался из окна, не отнимая от сердца свою добычу.

В мгновение ока гондола доставила меня домой. Я ворвался в спальню, положил дитя возле Бьянки. Чудная, белокожая девочка – я только сейчас толком разглядел ее – приоткрыла свой хорошенький розовый ротик и издала... нет, не крик, а нежный, мелодичный зов. И, словно услышав пение ангельских труб, моя дорогая Бьянка приподняла отяжелевшие ресницы, с восторгом взглянула на ребенка и прошептала: «Лючия! Жизнь моя, Лючия!» Это были ее последние слова, и мне, который не переставал с тех пор оплакивать ее, оставалось утешаться тем, что она умерла счастливой.

Я так и не смог оправиться после смерти Бьянки. Сейчас мне кажется, что с тех пор я совершил всего два разумных поступка: сначала взял у повитухи нечто вроде ее чистосердечного признания о случившемся, свидетельские показания твоего происхождения. Старуху я тотчас после этого сунул головой в канал: она не дала бы мне покоя, шантажировала бы меня, разорила бы, в конце концов... Впрочем, я и так разорен. А второй поступок, которым я горжусь, – это то, что я нашел для тебя учителя русского языка. Ты считала, что я просто забочусь о разносторонности твоего образования, настаивая, чтобы ты говорила по-французски, как француженка, по-немецки, как немка, по-английски, как англичанка, по-русски... Надо надеяться, ты говоришь на своем родном языке достаточно хорошо, чтобы ощутить себя вполне своей среди своих в России, куда я самым настоятельным образом советую тебе отправиться как можно скорее.

В жизни я натворил немало глупостей, многим причинил беды. Если бы не я... какая чистая, счастливая, безмятежная, богатая жизнь ждала бы тебя в далекой России! Отец твой, князь Казаринов, – один из богатейших людей страны. Ты составила бы блестящую партию с достойным человеком, а я сделал тебя охотницей за мужчинами, игрищем нечистых страстей. И за это мне нет прощения. Я и просить-то его не смею...

Не знаю, чья месть настигла меня. Много, ох как много их, жаждущих моей крови! Может быть, сын того проклятого докторишки, который не смог вылечить Бьянку, наконец-то разгадал тайну смерти своего отца. Может быть, удар нанес юнец, раненный на дуэли, которого десять лет назад принесли в мой дом, и я выхаживал его со всей искренней заботливостью; правда, в его кармане я отыскал несколько чрезвычайно любопытных писем, компрометирующих одну из богатейших римских фамилий, – и продал вычитанные в них сведения за хорошие деньги, на которые мы долго жили безбедно. Может быть, на меня напал возмущенный отец, чью дочь

я соблазнил и покинул... Или меня прикончил какой-нибудь неудачник, которого я пустил по миру за карточным столом в «Ридотто». А может быть, это вовсе неизвестный мне мститель придет – и сунет меня головой в черную воду или пырнет ножом во мраке...

Да все это не важно. Важно другое! Я оставляю тебе в наследство ненависть пострадавших от меня людей. Она уничтожила меня – она может пасть и на тебя.

Поэтому я заклинаю тебя моей отеческой любовью или тем невнятным чувством, которое я так называю: оставь этот город разврата, роскоши и смерти! Покинь Венецию, и как можно скорее. Отправляйся в Россию! Там же, где ты нашла письмо, ты найдешь остатки моих сбережений. Тебе этого хватит на дорогу. Поезжай, найди семью Казаринова, заяви о своих наследственных правах. Будь счастлива, будь удачлива, будь отважна!

Прощай, моя радость.

Твой не-отец не-князь не-Бартоломео не-Фессалоне. Да хранят тебя Бог и Пресвятая Дева – и моя любовь. Прощай!»

Глава II

Послушная дочь

Казалось, минула вечность, прежде чем Лючия пришла в себя и осознала, где находится.

Что-то назойливо шуршало над ее ухом, и она с трудом смогла понять, что это Маттео шепчет, напоминая о наказе отца: поскорее оставить Венецию.

Очень мило! Вообразите себе – всё бросить и вдруг явиться в какую-то богом забытую Россию, о которой доподлинно известно, что там главный город называется Сибирь и никогда не тает снег, а по улицам бродят белые медведи, а также скачут соболя. Те, кто учил ее русскому языку: служащие консульства, купцы, заезжие путешественники, конечно, уверяли, что Россия – вполне цивилизованная, огромная страна со множеством городов, но Лючия им не верила. Так вот, явиться в эту Сибирь, или Москву, как ее зовут тамошние жители, и свалиться в семью Казариновых... будто сугроб на голову. Только эти русские князья и ждут какую-то там нищую венецианку, да еще с такой репутацией, как у Лючии! Едва ли там найдется кому оценить ее многочисленные таланты!

Редкая красота, блеск ума, холодная наблюдательность и ясность мысли, дивный голос, артистизм и восторженная пылкость натуры помогали ей ловить в свои сети самых щедрых любовников. С соперницами она не церемонилась: не одну сделала мишенью своих ехидных острот и множества мелких, но злобных проделок. Она в совершенстве умела носить баутту⁷, скрывающую лицо, если новый любовник желал видеть в ней скромницу, однако не стыдилась обнажить в обществе грудь, напудренную и подрумяненную, как спелое яблоко, с позолоченными сосками, – если новый кавалер предпочитал вакханок.

Порою Лючии казалось, что ее жизнь – это одна сплошная бессонная ночь, пахнущая похотью и звенящая золотом. О Мадонна, что ей делать в России?! Похоронить себя заживо в каком-нибудь сугробе? Ведь всем известно, что русские строят свои терема и избы из ледяных плит! Из-за каких-то пустых рассказов расстаться с Лоренцо?!

Ну уж нет. Лючия твердо решила: она останется в Венеции, а признания Бартоломео будут надежно схоронены в секретном шкафчике тайного кабинета. А ей надо позаботиться о своем туалете. Скоро приедет Лоренцо! Пускай Маттео займется хлопотами, связанными с погребением, ну а Лючия не намерена пропускать ни одного из той череды развлечений, которые заготовила для нее жизнь!

Она повернулась к Маттео – но не проронила ни слова, испуганная выражением ужаса, искажившем старческие черты. Маттео остановившимися глазами глядел в темный проем над их головами, откуда доносились неторопливые шаги.

И в то же мгновение раздался исполненный разочарования голос, при звуке которого сердце Лючии едва не выпрыгнуло из груди:

– Здесь пусто. Ее нигде нет!

Это был голос Лоренцо. Стало быть, так желал поскорее ее увидеть, что не смог дожидаться условного часа свидания и явился на три часа раньше срока. Это изобличало несдержанный нрав, неизысканные чувства, это свидетельствовало о невоспитанности Лоренцо... в той же мере, как о его пылкости. Да плевать хотела Лючия на все правила хорошего тона! Она еще не одета? Тем лучше – так он быстрее сорвет с нее ночное платье и узрит ее слепящую наготу. Не причесана? Все равно волосы Лючии растреплются еще сильнее, пока ее голова будет иступленно перекатываться по подушкам в разгаре страсти. И постель ее до сих пор не застелена, что очень кстати! Желание ударило в голову Лючии, как неразбавленное вино; она

⁷ Маска – неперменная принадлежность туалета для улицы в Венеции XVIII века.

ринулась к выходу, однако за мгновение до того, как ее голова высунулась из подвала, Лоренцо снова заговорил – и Лючии показалось, будто ее ноги пристыли к ступеням потайной лестницы.

– Запомни, Чезаре, – сурово промолвил Лоренцо, – ты не должен убивать ее сразу! Прежде всего мне нужны мои бумаги, а уж потом – жалкая жизнь этой шлюхи. Ты вообще можешь взять ее себе и делать с ней что пожелаешь – но сначала письма, письма! А теперь пошли – надо еще раз обойти дом. Что-то подсказывает мне: она где-то здесь, неподалеку.

– Да, синьор, – произнес гнусавый голос – самый гнусавый и гнусный из всех, которые приходилось слышать Лючии! – потом зазвучали удаляющиеся шаги, и Лючия наконец смогла перевести дух: она и не заметила, как перестала дышать.

Ноги ее подкашивались, и если бы не поддержка Маттео, она, наверное, рухнула бы на каменный пол.

– Ты слышал?! – прошептала Лючия. – О Мадонна, что же мне делать?!

– Бежать, синьорина! – жарко выдохнул старик и повлек Лючию за собой.

Больше ее не надо было ни уговаривать, ни подгонять, однако ноги у нее подгибались от страха, в голове мутилось. Ее родной дом, как и все прочие палаццо в Венеции, был разом дворцом, крепостью и тюрьмой, но теперь Лючия чувствовала себя здесь не как в безопасном убежище, а как в западне. Вдруг она вспомнила о деньгах, что лежали в потайном шкафу, и ужаснулась, что оставила их. Однако неоценимый Маттео, словно почуяв ее мысли, показал увесистый мешок, который прятал под полою камзола, – и Лючия пришла в себя. Нет, не в ее натуре было предаваться панике! Еще прежде чем они с Маттео выбежали на боковую террасу, обнесенную мраморными перилами, посредине которых была открытая дверка к ступеням, выходящим на широкое пространство спокойных вод, Лючия уже твердо знала, что жизнь ее в Венеции закончена.

Маттео шептал, что напротив острова Лидо будет ждать барка, которая доставит Лючию хоть до Неаполя, хоть до Генуи, – куда она скажет. Денег у нее немало, а уж он, Маттео, весь остаток дней своих будет молить Иисуса и Пресвятую Мадонну за свою милую золотоволосую синьорину...

– Как?! – шепотом воскликнула Лючия. – А ты разве не уедешь со мной?!

– Синьорина, ну какой из меня путешественник, подумайте сами! – криво усмехнулся Маттео, задыхаясь от быстрого бега. – Да и не могу я покинуть моего доброго господина, хоть бы и мертвого. А вам жить да жить, не думать о былом, забыть все печали. Только бы удалось ускользнуть!

– Интересно, какие письма он разыскивает? – шепнула Лючия, зябко дрожа на сыром ветру и вглядываясь во тьму, откуда уже приближался протяжный и тоскливый крик, которым гондольеры предупреждают друг друга и ожидающих их пассажиров о своем приближении.

– Да какие б ни искал! – мрачно отозвался Маттео, чиркая кресалом, чтобы дать знак гондольеру. – Все бумаги, кроме прощального послания господина, я надежно запер в секретном шкафчике в подвале.

– Пускай поищет, убийца! – злорадно усмехнулась Лючия. – Пускай поищет!

Свинцовый нос гондолы гулко ударился о ступени, и Маттео торопливо помог Лючии забраться внутрь.

– Прощайте, синьорина, прощай, дитя мое! – прошептал он.

– Прощай! – отозвалась сквозь невольные слезы Лючия.

Лодка отчалила, завернула за угол – и Маттео пропал из виду.

Лючия проскользнула под низкую крышу в тесную и душную каюту гондолы, потом нетерпеливо выскочила с другой стороны и примостилась на носу, около огромного свинцового конька, который украшал этот нос.

Темные громады зданий разворачивались перед ней, заслоняя звездное небо. В этом тихом и пышном квартале, откуда днем была видна лагуна и снежные горы Фриуля, она провела всю жизнь, а теперь покидала его – надолго? Может быть, навсегда!

Ночь опустилась на тихие воды, луна показалась из-за аркады Дворца дожей, и великий город заблистал перед Люцией в неге и непобедимой красе.

Уплывали от нее все эти набережные, улочки, площадки, лабиринты венецианских переулков, узких каналов, на которых с утра до вечера играла музыка и танцевали пары, опьяневшие от страсти. Уплывали мосты делла Палья и Риальто, украшенные множеством лавочек, витрин, окон, в каждом из которых многоцветно сверкали бусы, зеркальца, жемчужные нити, граненое стекло – те наивные блестящие мелочи и истинные драгоценности, которыми славится Венеция.

Ночь закрывала город от глаз Люции, словно набрасывала на мосты, каналы, палаццо черный zendaletto – кружевной платок венецианки.

– Прощай, прекрасная Венеция! – прошептала Люция и прикусила губу, чтобы не рыдаться в голос.

Прощай, Венеция! Люция покидает тебя. Впереди неизвестные пути, дальние страны... Россия! Неужто все же Россия?! Ну что же, знать, такая судьба. Придется князьям Казариновым принять в свое лоно венецианскую родственницу, хотя бы они того или нет.

Она начисто позабыла о том, что прощальная исповедь Фессалоне вместе с показаниями повитухи, удостоверяющей ее, Люции, благородное происхождение, так и остались валяться там, где их Люция выронила из своих рук: в потайном кабинете, вход в который они со старым Маттео не подумали закрыть.

Глава III

Встреча в Москве

Уже подходил к концу март. Там, в Италии, дышит ароматами весны и моря ясный, бледно-голубой воздух. Прохладный ветер с Адриатики едва-едва колыхнет осыпанные розовым цветом миндальные деревья. А здесь все покрыто белым саваном. Какая, к черту, весна! Дорога была скользкая, ветер пронизывающий и такой мороз, что Лючия едва могла шевелить пальцами.

Она еще в Польше рассталась с более или менее цивилизованной каретой и теперь ехала в санях, похожих на колыбель. Они были сделаны из дерева и покрыты кожей; в них она ложилась, как в постель, укутавшись в меха. Здесь мог поместиться только один человек, что оказалось весьма неприятно для Люции: не с кем было побеседовать. А ведь всякая беседа была для нее уроком русского языка, столь необходимым для будущей жизни, ибо, привыкнув смеяться в «Ридотто» над иностранцами, неблагозвучно коверкавшими певучую итальянскую речь, Лючия вовсе не желала превратиться в объект для русских насмешек. По счастью, у нее был прекрасный музыкальный слух и незаурядный дар подражания, которые позволили с лёгкостью сообразовать ее не слишком-то уклюжий, неповоротливый, заученный русский с особенностями живой речи. И если на первых постоялых дворах она видела нескрываемые насмешки, стоило ей спросить себе еды и постель, то чем дальше, тем реже ее произношение вызывало удивление. Пусть у нее не было собеседников – ее учителями невольно становились ямщики и их песни.

Сначала они томили ее, подобно тому, как неумолкаемый звон колокольчика терзал ее непривычное к таким звукам ухо. Но постепенно этот звон сделался неотъемлемой частью окружающего мира, а в нехитрых сюжетах ямщицких песен Лючия начала открывать для себя истинно поэтические перлы, которые не раз и не два заставляли ее уронить слезу над судьбою разлученных влюбленных: непременно в их жизнь вмешивался какой-нибудь нехристь, который принуждал девицу изменить своему милому, и тот оставался с разбитым сердцем.

Песни были единственной радостью ее бесконечного пути. В местах, назначенных для перемены лошадей, Люции приходилось ночевать в гадких дымных комнатках, где на пол клали солому, а сверху постилали подушки, покрывала, одеяла – этим добром Люции пришлось однажды обзавестись и везти его с собою, если она не желала спать на голой соломе. Обеды были отнюдь не пышными: молоко, хлеб, жареное или вареное мясо. Иногда ей удавалось вымыться прямо в избе, за занавескою: зрелище черных бань пугало ее, а при мысли, что в этом сооружении, торчащем среди сугробов, надобно еще раздеться донага, и вовсе дурно становилось. Правда, удивляло, что этих бань было так много. В Венеции две-три едва сыщешь, а тут при каждой, самой бедной хижине...

И вот наконец – Москва! Лючия даже не верила, что наконец добралась до этого многоцветного, чудного оазиса среди снежного однообразия и уныния.

Здесь даже отыскалось некое подобие отеля – во всяком случае, вполне приличный постоялый двор с отдельными комнатами, нужными чуланчиками при каждой и очень недурным столом. Наевшись вволю белого влажного, рассыпчатого сыру (его здесь называли «творог») и мороженой клюквы, к которой она так пристрастилась в пути, что почти забыла о поморанцах⁸, Лючия вымыла и высушила волосы, переделалась в зеленый бархат, дивно оттеняющий загадочные переливы собольей епанчи, и взяла наемный возок – прокатиться.

⁸ Старинное название апельсинов.

Представляя Москву неким видением Азии, Лючия с изумлением обнаружила себя в Европе, хотя, конечно, дома были пониже, а улицы, на ее взгляд, слишком широки. Сюда тоже добралось весеннее солнышко, и без лошадей передвигаться было трудновато. Лючия просто влюбилась в этих животных во время своего путешествия! В Венеции, как известно, лошади только бронзовые – те, что украшают собор Святого Марка, – и теперь Лючия поняла, что венецианцы кое в чем обделены, поскольку весьма редко видят этих дивных созданий.

Ее очаровала огромная, мощенная камнем Красная площадь, где кипело точно такое же многолюдье, как на Пьяцце в праздничный день. Сходство довершали ошеломляюще-роскошные, варварски-пышные и очаровательно-дисгармоничные купола собора Василия Блаженного, столь остро напомнившие Лючии ту смесь мрамора, гранита, яшмы, порфира, бронзы, мозаики, скульптуры, резьбы, которая называлась собором Святого Марка, что у путешественницы дух захватило. Восторг сделался почти экстатическим, когда она поглядела на темные лики русских мадонн, погруженных в ровную и важную задумчивость. Они трогали сердце гораздо больше, чем даже мадонны Леонардо, Лючия смотрела на них, потеряв всякое представление о времени, пока не почувствовала себя угоревшей в пропахшей ладаном духоте храма. Пospешила наружу – и тут сделалась добычей не менее чем двадцати нищих, бросившихся на разодетую даму со всех сторон.

Прижав к груди муфту, она с ужасом озиралась, не зная, как пробиться между ними, как вдруг послышался властный оклик, потом свист трости, жалобные вопли тех, кому достались удары, и какой-то господин, склонившись перед Лючией, подал ей холеную, украшенную перстнями руку.

Блестели тугие локоны вороного парика, блестел мех воротника, блестели пряжки на башмаках... Вполне европейское обличье, вздохнула с облегчением Лючия, и умильно улыбнулась, когда глаза ее встретились с напряженным взглядом ее спасителя. Чудилось, только светская выдержка помогла ему сдержать уже готовое сорваться изумленное восклицание. Он поджал и без того тонкогубый рот, отчего напряглись желваки на щеках, и что-то отталкивающее проглянуло в этих гладко выбритых, припудренных, ухоженных чертах... Впрочем, тут же любезная улыбка вспорхнула на его уста, да и голос был – ну просто горячий шоколад!

– Столь прекрасной даме опасно бывать одной даже в Божьем храме, княжна, – учтиво произнес незнакомец. – Не только трудолюбивые пчелы и отважные шмели, но и бестолковые трутни и даже грубые грязные мухи норовят отведать нектара ее прелести!

Мало того, что он назвал впервые увиденную даму княжной! На взгляд Лючии, реплика была чересчур фривольной для незнакомого человека. Однако сия благоразумная мысль мелькнула и исчезла: всколыхнулась столь долго сдерживаемая привычка кокетничать со всеми особами мужского пола подряд:

– А вы кто же, сударь? Трудолюбивая пчелка или отважный шмель?

– О, я пчелка, которая день-деньской порхает по цветочкам, чтобы кое-как насытиться! – усмехнулся незнакомец. – Однако вы польстили мне, княжна, сравнив с отважным шмелем! Я сберегу ваш комплимент в памяти надолго, возможно, унесу его с собой в могилу... – Тут он осекся, верно, заметив искру недоумения в ее расширенных глазах, и уже более сдержанно спросил: – Да вы, верно, не узнали меня, Александра Сергеевна? Я ведь Шишмарев! Евстигней Шишмарев, имел честь быть вам представленным на балу в честь именин вашей кузины, Анны Васильевны Павлицевой, помните? Значит, вы уже в Москве? А я слышал, вас ждут из Каширина-Казарина через три дня.

Лючия растерянно моргнув, перебила своего словоохотливого спасителя:

– Вы ошиблись, сударь. Я не та дама, которую вы упомянули, и, конечно, не имела чести быть с вами знакомой.

Глаза Шишмарева теперь были проникнуты искренним изумлением!

– Конечно, – пробормотал он растерянно, с такой пристальностью вглядываясь в глаза Люции, что у той зуд начался в щеках, словно бы от бесцеремонного прикосновения. – Но... виноват, извините великодушно, кня... то есть я хочу сказать, сударыня. Виноват! Был введен в заблуждение невероятным сходством с означенною особою. Позвольте заглазить ошибку и сопроводить вас к возку, не то... – он особенно грозно шикнул на юродивого, обвитого веригами, – этот сброд проходу вам не даст!

Люция покорно оперлась на его руку и неуверенно двинулась вперед. Шишмарев, видимо, не заметил ее растерянности и бубнил себе под нос:

– Право слово, скажи мне кто-нибудь, что у прекрасной княжны Александры есть двойник, я ни за что не поверил бы. Не знай доподлинно, что Александра Сергеевна – единственная дочь своих родителей, остался бы в убеждении, что вы, сударыня, ее сестра-близнец!

– Уверяю вас, вы ошиблись, – повторила Люция. – Но я бесконечно признательна вам за ваше столь любезное заступничество! – Она что-то еще говорила, столь же равнодушно-светское, и сама поражалась, как обморочно звучит ее голос. И все же нашла в себе силы и задала еще один вопрос: – А любопытно знать, сударь, как фамилия той особы, счастливым сходством с коей наделила меня природа?

– Ее зовут княжна Казаринова, – с готовностью ответил Шишмарев и, чуть понизив голос, добавил: – Но осмелюсь возразить, сударыня. Речь идет не просто о сходстве! Вы с Александрой Сергеевной неразличимы, как две капли воды!

Очутившись в спасительном одиночестве возка, Люция велела кучеру гнать на постоянный двор как можно быстрее. Ответ Шишмарева она знала заранее! Ведь он вел речь о ее сестре! Родной сестре-близнеце!

Болтливый и услужливый Шишмарев назвал все, что нужно: ее имя, имя отца – отчество, как говорится у русских, фамилию. Даму, обладавшую портретным сходством с Люцией, звали Александрой Сергеевной Казариновой, и это, без сомнения, была та самая малышка, которая родилась у бесчувственной Катарини лишь несколькими минутами позже своей сестры, Люции Фессалоне.

Истерический смешок вспорол сумрачную тишину возка и был тут же зажат муфточкой. Неоценимый Шишмарев назвал и место, куда следует держать путь Люции: какое-то там Каширино-Казарино... верно, имение ее настоящих родителей. А она-то думала, что придется провести несколько дней в Москве, пытаясь разузнать место жительства князей Казариновых.

Вот повезло так повезло! Надо спешить выезжать, не то, как здесь выражаются, дороги поплывут, а если настигнет распутица... ах, нет, не дай бог! А впрочем, может быть, лучше не трогаться с места, подождать, пока малютка Александра (будучи старше своей сестры на одну или две минуты, Люция уже относилась к ней с некоей снисходительностью) прибудет в Москву? И здесь броситься в ее объятия: мол, я твоя сестрица, прольем же вместе слезы радости!

Люция сморщила нос. Предстоящее свидание с Александрой почему-то вызвало в ней приступ брезгливой пренебрежительности. Какая-нибудь бело-розовая раскормленная ломака с бесцветными глазами. Люция презрительно фыркнула, но тотчас вспомнила, что Александра – ее близнец, а стало быть, никак не может быть иной, чем стройной, статной, яркоглазой, как кошка, столь же грациозной и проворной. Это почему-то оскорбило Люцию еще больше, и от дурного настроения она не избавилась до вечера.

Глава IV

Переправа

И вот теперь она в полную меру поняла значение русского слова – «распутица»! До Каширина-Казарина оставалось только два дня пути, когда сани вдруг встали в снежной каше.

Лючия выкарабкалась из вороха мехов и выглянула.

Солнца как не бывало. Небо затянуло низкими облаками. Возок стоял на берегу речки, еще не очистившейся ото льда. Из реплик возницы и его спутника (незнакомец заплатил какую-то ничтожную сумму за провоз на запятках), ходивших туда-сюда по берегу, Лючия поняла, что мужики в совершенном недоумении: на этом месте они надеялись переправиться через реку и теперь головы ломали, какая сила могла пробить лед. Наконец сошлись на том, что, верно, здесь провалился какой-то тяжелый воз, да так, что весь лед окрест, и без того уже истончившийся и просевший, дал опасные трещины. Речка была слишком глубока, чтобы ее переехать вброд.

Близились сумерки; Лючия начала зябнуть, и такая тоска взяла за сердце при виде неоглядных бело-синих просторов, к которым, казалось, она уже успела притерпеться за время своих странствий! Русская тоска зимнего нескончаемого пути... Зачем она здесь? Что ее ждет? Была одна княжна Казаринова, а теперь окажется две. Все внимание родителей, кавалеров, друзей, направленное прежде на Александру, будет теперь разделено на двоих. Какая женщина вынесет такое? Да ведь Александра возненавидит свою вновь обретенную сестру, как только поймет ее превосходство над собой. Если они похожи как две капли воды внешне, то ведь натуры у них наверняка совершенно разные, как у капризной левретки – и остроглазой гончей!..

Громкие голоса прервали размышления Люции, и она с неохотой возвратилась к действительности.

Приятель возчика выпряг лошадь, сел верхом и отправился в ближайшее селение разведать, нет ли где доброго места переправиться.

Близилась ночь, а он все не возвращался, и Лючия со страхом представляла себе, что оставят от нее к утру мороз и русские медведи... Она их пока не встречала, но почему бы им не появиться сейчас?!

И вдруг возчик возбужденно закричал:

– Глядите, барыня! Глядите!

К ним, освещенная факелами, приближалась целая кавалькада из трех саней и десятка мужиков, несших доски, бревна и багры, возглавляемая не кем иным, как их недавним спутником, с коим Лючия уже мысленно простилась. Оказывается, ему встретились трое саней, едущих на переправу, и вот...

Щедро наградив честного малого, Лючия попросила провести себя к тому доброму самаритянину, который решил замедлить свое путешествие, дабы оказать помощь даме, попавшей в беду. Осчастливленный проводник повел ее к берегу, где невысокий широкоплечий человек стоял у берега и распоряжался проложить по самому твердому льду бревна и доски, а потом провести по ним лошадей. Сани же предстояло толкать мужикам.

Факелы светили ярко, и Лючия, увидевшая простую, но дорогую дорожную одежду этого господина, с облегчением поняла, что он – человек, несомненно, светский. Элегантная шляпа венчала вороной парик.

Незнакомец повернулся к ней – и ахнул:

– Сударыня, не верю глазам своим! Так это вы та самая прекрасная барыня, о коей мне все уши прожужжал этот малый?

Да ведь это не кто иной, как вчерашний знакомец, этот, как его... Шишмарев! Тот, кто принял ее за княжну Александру!..

– Право же, судьба ко мне чрезмерно благосклонна! – восторженно восклицал Шишмарев. – Дважды за два дня выступить в роли вашего спасителя... это, пожалуй, больше, нежели я смел бы надеяться.

– Оказывается, Провидение гораздо на совпадения! – развела руками Лючия.

Уже близилась полночь, когда опасная переправа осталась позади и путешественники ссыскали ночлег в просторной избе, исполнявшей роль постоялого двора. Дородная хозяйка выбежала им навстречу и так низко склонилась перед Шишмаревым, словно была ему чем-то весьма обязана.

Разохавшись по поводу плачевного вида «добрейшего господина» и «барыни», она тотчас приставила к Лючии девку для услуг, а вокруг Шишмарева захопотала сама.

Девка принесла Лючии горячей воды и оказалась весьма расторопна: помогла переодеться, помыться, причесала Лючии волосы, заплела две косы и начала красиво укладывать вокруг головы. Лючия от усталости просто-таки спала с открытыми глазами, и только голод удерживал ее от того, чтобы немедленно лечь.

– Ах, добрая барыня, измотались же вы нынче! – с сочувственной бесцеремонностью вдруг вырвалось у служанки. – Небось без ночевки путешествовали?

– Отчего же? – едва шевеля языком, ответила Лючия. – Лишь поутру отъехали из Москвы.

– Батюшки-светы! – Девка от изумления уронила одну из недоплетенных кос. – Али конь у вас обезножел? Не то возок ломался? Где ж вы стояли столько времени? От нас же до Москвы полдня пути всего толечко!

– Может быть, – промямлила Лючия. – Да беда – лед проломило на реке.

– Лед?! – вытаращила глаза девка. – А до льда вам какая печаль?! Чай, новый мост крепок да ладен!

– Мост? – непонимающе переспросила Лючия, и девка рассказала, что совсем недавно соорудили через Каширу мост: деньги дали окрестные помещики, и больше других – князя Казариновы.

Вот те на, как говорят русские! Значит, был мост! Чего же ради повез ее дурак возчик через реку по льду? Если Лючия дремала всю дорогу в теплой колыбели возка, то кучер и его сотоварищ не могли не заметить большого, красивого, удобного моста. Или они просто решили попутать путешественницу, в которой угадали иностранку, и, с намерением запросить с нее побольше, устроили это опасное приключение? Да нет, не может быть, как бы они осмелились?! Заметив, каким возмущением вспыхнуло ее лицо, горничная начала отступать:

– Ну разве что мост поломался?

И хоть в голосе ее звучало величайшее сомнение, Лючия сразу согласилась с этой возможностью. В самом деле! Чем иным можно объяснить то, что и опытный путешественник, несомненный знаток здешних мест, Шишмарев тоже миновал мост и вообще ехал с бревнами, досками, веревками и прочими орудиями, необходимыми для ледовой переправы? Ну, конечно, мост сломан!

Успокоившись, Лючия накинула на плечи белую кружевную шаль, очень тонкую и очень теплую, и спустилась в столовую.

Шаль ее была столь воздушна, что взлетала при ходьбе и возле самой двери зацепилась за сучок в бревенчатой стене. Сосредоточенно отцепляя изящное кружево, Лючия замешкалась – и вздрогнула, будто от выстрела, услышав совсем рядом сердитый голос хозяйки постоялого двора:

– ...Но гляди мне, коли другую любушку найдешь, я терпеть не стану!

– Что это с тобой, Фотиньюшка? – раздался вкрадчивый голос Шишмарева. – Неужто возревновала? К кому же?

– К кому! – возмущенно фыркнула Фотиньюшка. – Еще спрашиваешь! К этой рыжей, что с собой привез!

Теперь громко фыркнул Шишмарев, а Лючия едва не подавилась от возмущения. Назвать рыжими ее роскошные золотые локоны?!

Однако слова Шишмарева оказались еще более возмутительными:

– Не о чем тебе заботиться, душа моя, Фотиньюшка. Эта бабенка – моя добыча, зело мне надобная, и, поверь, отнюдь не для постельных потешек! На то у меня есть ты, а сия бродячая шлюшка – лишь маленький мосток, по коему я пройду, не замочив ног, к богатству и удовольствию.

– Это как же? – полюбопытствовала Фотиньюшка.

– Да ты вовсе без глаз? – рассердился Шишмарев. – Не видишь, что она вылитая...

– Постой! – прервала его Фотинья. – Дверь прикрою – по ногам тянет.

Разумеется, Лючия не стала ждать, пока ее обнаружат подслушивающей около этой двери, и вошла в сумрачную комнату с видом приветливо-равнодушным, хотя ее обуревал гнев.

Рыжая – ну это ладно. Это Фотинья, конечно, из зависти. Но бродячая шлюшка! Да как он смел, русский невежа, назвать ее шлюхой?! Как сумел он столь точно угадать натуру и ремесло Лючии, видя ее всего лишь второй раз в жизни?!

Фотинья подала на стол. Минуту назад Лючия была голодна как волк, чудилось, будет глотать не жуя, а сейчас болтала ложкой в миске с ухой, едва находя в себе силы приоткрывать рот: челюсти так и сводило от злости!

Наконец она отодвинула уху, отказалась от капусты, каши, жареной рыбы и принялась за любимую клюкву. А Шишмарев ел в охотку, отдавая должное каждому блюду, но при этом Лючию не оставляло ощущение, что он непрестанно за ней наблюдает. Она еще не решила, как лучше поступить: не то язвительно открыть, что слышала оскорбления, и потребовать объяснений, не то подождать развития событий.

Шишмарев мигнул Фотинье, указав на дверь. Фотинья послушно исчезла.

– Хорошо вышколаена! – не удержалась от шпильки Лючия, и Шишмарев глянул на нее вприщур:

– Чем же она вам не по нраву? Да бог с ней, с Фотиньей. Нижайше прошу, сударыня, прощения за то, что вас, мечтающую, надо полагать, лишь об отдыхе в мягкой постели, задерживаю разговорами, однако умоляю уделить мне толику вашего внимания, дабы услышать о некоем предприятии, без сомнения, для нас с вами обоюдно интересном.

Лючия с трудом переварила эту тяжеловесную фразу и с великолепным изумлением вскинула брови:

– Ну что вы, сударь, какие могут быть церемонии? Я вам стольким обязана! Уверяю, что с величайшим вниманием выслушаю все, что вы изволите сказать, однако... – она изобразила на лице озабоченность, – однако ежели то, что вы намерены мне сообщить, не предназначено для посторонних ушей, не лучше ли... – она быстро перевела дух и наконец-то высказала все, что накипело (бес ее давно уже за язык тянул, а тут настал момент благоприятнейший), – не лучше ли выглянуть за дверь, ибо, на мой взгляд, у вашей оседлой шлюхи не только слишком длинный язык, но и чересчур большие уши!

Шишмарев глядел на нее неподвижным взором, и какое-то мгновение Лючия думала, что до него не дошел смысл ее ехидства, как вдруг непроницаемые глаза его вспыхнули и он разразился таким веселым хохотом, что Лючия поначалу онемела, а потом невольно усмехнулась в ответ.

– Ах, сударыня, – кое-как отсмеявшись и еще задыхаясь, проговорил Шишмарев, – слава богу, что я в вас не обманулся! Теперь почти не сомневаюсь, что мы вместе с вами славненько

обтяпаем это маленькое дельце – к взаимному, заметьте себе, удовольствию! А уж коли вы в сем темном коридорчике слышали достаточно, чтобы понять, что я – человек умный, хоть и большой негодяй, то дозвоьте напрямки идти к делу.

– Валяйте! – щегольнула недавно узванным словечком Лючия, которой всегда нравились люди отчаянные. А что до негодяев... она только усмехнулась, вспомнив папашу Фессалоне и Лоренцо Анджольери. Эх, Шишмареву и во сне не снились истинные негодяи!

Тем временем тот утер вышитым полотенцем рот, потом руки – тщательно, каждый пальчик, – потом сложил полотенце аккуратным уголком и воззрился на Лючию, которая уже ерзала от нетерпения на своей жесткой дубовой лавке.

– Сударыня! – задушевно промолвил Шишмарев. – Хотите сделаться княжной?

Глава V

Коварство

Это был хороший вопрос, который мог выбить почву из-под ног у кого угодно, только не у Люции. Не стоило труда понять: обнаружив поразительное сходство своей случайной знакомой с Александрой Казариновой, но не подозревая об их родстве (на это фантазии даже у самого изощренного выдумщика не хватит!), Шишмарев намерен затеять мистификацию, в которой призывает принять участие Люцию. Надо полагать, заключено некое пари с весьма крупным выигрышем. Впрочем, к чему гадать? Шишмарев и сам все расскажет, надо только продолжать глядеть обалдело и бормотать:

– Да как же такое возможно?

– Думается мне, – сказал Шишмарев, – что вы обладаете весьма быстрым умом, а потому я оставляю те дымовые завесы, которые собирался использовать для прикрытия истинных своих целей, и буду вполне откровенен, не утаив от вас ни слова правды.

Люция только прищурилась. Да скорее отыщешь финики на кустах у крыльца этого постоянного двора, чем разгадаешь истинные намерения Шишмарева! Однако же она только кивнула в знак того, что слушает со вниманием.

– Как вы уже, без сомнения, поняли, – заговорил Шишмарев, – мой интерес в вас заключается не только в том, что вы умны, красивы и очаровательны. В точности такова же и особа, с коей вы схожи, повторяю, как две капли воды. Я уже упоминал ее имя. Это княжна Александра Казаринова. Сия высокородная особа не позднее чем завтра пополудни будет проезжать мимо Фотиньиного дома, и я хотел бы...

– А, понимаю, – перебила с невинным видом Люция, – вы хотели, чтобы она познакомилась с незнакомкою, столь на нее похожей.

Почему-то ей хотелось раздосадовать Шишмарева этой репликой, но тот лишь насмешливо дернул уголком рта:

– Это не входило в мои планы, хотя, без сомнения, княжне Александре было бы небезынтересно взглянуть, какой она сделается через десяток лет!

Что?!

Первым и самым сильным побуждением было, конечно, разбить о голову этого мерзавца все миски и горшки, стоявшие на столе. И ее рука уже дернулась к ближайшему кувшину, однако она вдруг заметила выражение ненависти на лице Шишмарева. Вот те на! Да ведь он за что-то ненавидит Александру Казаринову и с помощью Люции намерен приготовить не просто веселенькую шуточку... Замыслы его, без сомнения, коварны, а вот в чем они состоят, можно узнать, если быть с ним похитрее. Нужно постараться улыбнуться... и венецианской притворщице это удалось!

– Слава богу, что я вас не обидел, сударыня! – с преувеличенным облегчением воскликнул Шишмарев. – Поймите меня правильно: мне вовсе не по нраву незрелые глупышки вроде княжны Александры. Даму лишь украшает опытность, светящаяся в ее чертах! А уж если в глазах ее пылает огонек авантюризма, это придает ей просто-таки обворожительную прелесть! Судя по платью и легкому – о, совсем легчайшему, словно дуновение южного ветра! – акценту, вы приехали из европейской страны, где мужчины готовы были целовать ваши следы. Надо полагать, вы предприняли путешествие в Россию, дабы прибавить к своей свите сонмы российских кавалеров? Забавно, однако же, что путь ваш пролегает именно в ту сторону, где живет ваш двойник – юная княжна Казаринова! – И он вопросительно умолк.

Люция насторожилась. Если у Шишмарева возникнет хоть малейшее подозрение, что у нее в Каширине-Казарине особый интерес, он, разумеется, не откроет своих замыслов. И она ответила с самым невинным видом:

– Но это ваша вина, сударь, что я направляюсь в Каширино-Казарино! В соборе на Красной площади вы настолько разожгли мое любопытство относительно дамы, с коей мы схожи будто две капли воды... ну, разумеется, одна из капель старше другой на десять лет! – все-таки не удержалась Лючия от колкости и снова едва не вышла из себя, когда глаза Шишмарева злорадно блеснули. – Так вот, мне до смерти захотелось увидеть эту юную особу, хотя бы издали, не будучи ей представленной. Не все ли мне равно, куда ехать? Я путешествую для собственного удовольствия, из интереса к вашей загадочной стране...

– Ну тем лучше! – бодро воскликнул Шишмарев. – Если вы ищете лишь развлечений, то я вам представлю самое что ни на есть изысканное. Когда сюда прибудет княжна Александра, вы займете ее место и станете ждать. Вскоре появится молодой человек. С ним приедет священник, он давно предупрежден и даже вознагражден, который обвенчает вас с этим юношей. О вкусах, конечно, не спорят, но многие дамы находят его неотразимым. Так что вы выйдете отсюда княгиней Извольской и отправитесь с супругом в его родовое имение: это в тридцати верстах к юго-западу. Там вы пробудете дней десять или две недели, наслаждаясь изобилием роскоши, которая царит в Извольском, а затем я приеду за вами в условленное место и увезу куда пожелаете: хоть сюда, где вы вновь обменяетесь платьями с княжной Александрой и продолжите свой путь, хоть в любое другое место.

Шишмарев наконец остановился дух перевести. Лючия смотрела на него во все глаза, от души надеясь, что в ее лице не отображается ничего, кроме самого чистосердечного изумления, и Шишмарев не замечает, сколь пристально она его изучает.

Лючия за свои не очень-то большие годы (ей было восемнадцать, а не двадцать восемь, что бы там ни утверждал этот невежа!) узнала немало людей и была весьма проницательна. Сразу стало ясно, что не одна княжна Александра ненавидима Шишмаревым, но и этот «неотразимый» князь Извольский. Но оставалось еще слишком много вопросов, и Лючия принялась задавать их:

– Где все это время будет находиться княжна Александра?

– Здесь.

– То есть, надо полагать, все это делается с ее согласия?

Шишмарев только фыркнул, и это было красноречивее любого ответа.

В самом деле! Какая добропорядочная девица позволит нанести столь ужасный урон своей репутации, своей чести, имени? Ведь этот князь Извольский потом на Библии станет клясться, что жил с ней, как муж с женой, – и не солжет! Значит, Александра останется на постоялом дворе под охраной преданной Шишмареву Фотины. С этим все ясно.

– А вы не боитесь, что княжну хватятся ее родители? – спросила Лючия.

– Родители ее в Лондоне. Дипломатическая карьера князя Казаринова весьма успешна; хорошо, ежели князь Сергей и княгиня Екатерина («Серджио и Катарина!») раз в год навещают родные палестины.

– Что же, Александра живет одна в имении?

– Зачем одна?! Под присмотром доброй бабушки, матери князя Сергея Александровича. Однако она сейчас больна, вот почему княжна и отправляется в Москву лишь в сопровождении горничной.

– Итак, она едет в Москву. Зачем?

– Через два дня там состоится свадьба ее кузины, графини Евдокии Барминой.

– Ну так ведь кузина непременно спохватится, не увидев Александры среди своих гостей?

– Ничего, бог милостив! – ухмыльнулся Шишмарев. – Девка княжны со мной в сговоре, кучер тоже подкуплен. Они отвезут письмо графине Евдокии: мол, прости, я внезапно занедужила, не могу прибыть на свадьбу, твоя любящая кузина Александра.

– Насколько я успела узнать российские нравы, – весьма сухо произнесла Лючия, – этим двум бедолагам, девке и кучеру, после всей вашей эскапады крепко не поздоровится. Они ведь оба крепостные, не так ли? Да с них кожу живыми сдерут!

– Не извольте беспокоиться, – отмахнулся Шишмарев. – Хотя, впрочем, сие делает честь вашему человеколюбию. Однако эти двое получают за участие в предприятии такую сумму, что смогут незамедлительно купить себе бумаги, подтверждающие, что они оба теперь вольные, и уехать в Малороссию, где заживут своим хозяйством. Это их самая заветная мечта.

Лючия незаметно окинула Шишмарева взглядом исподлобья. Неужели ради пустой забавы сей господин может выбросить на ветер кучу денег? Возможно, в деле замешан еще кто-то, финансирующий все предприятие, в том числе будущий гонорар Лючии?

– Надо полагать, и Фотинье будет уплачено за соучастие столько, что она сможет скрыться от преследования где-нибудь за тридевять земель? – усмехнулась Лючия. – Но кто сможет поручиться, что через денек после свадьбы графиня Евдокия не отпишет кузине письмо с соблазнительными восклицаниями и описанием торжества? Добрая бабушка получит это письмо, поймет, что внучка в Москву не прибыла... Удивлюсь, если она не пустит по следу княжны не только всю дворню, но и свору охотничьих собак!

– Графиня Евдокия, разумеется, такое письмо напишет, – кивнул Шишмарев, – однако для сего случая передаст его Дуняшке, той самой горничной девке, судьба коей вас столь заботит. И это будет сразу, едва она получит весточку от Александры. Кстати, упреждая ваш вопрос, скажу, что написана она мною, я сызмальства мастерски подделываю любые почерки. На сей случай Дуняшка будет ждать ответа и торопить графиню. Ну а после свадьбы у новобрачной не будет времени на письма, ибо вечером того же дня молодые супруги уедут в Париж, где будущий муж графини Евдокии должен как можно скорее приступить к дипломатической миссии.

– Ага! – с торжеством воскликнула Лючия. – Вот в чем слабое звено столь хитроумно сплетенной цепочки! Александра после свадьбы должна будет воротиться домой, и вот тут-то...

– Да не должна она воротиться! – в отчаянии вскричал Шишмарев. – Должна сопровождать кузину за границу, где ее ждут родители... Ей-богу, у меня такое чувство, будто я на допросе в Тайной канцелярии! Что ж вы ко всему так цепляетесь?!

– Но поймите, вы предложили мне участие в ненадежной интриге! – пожала плечами Лючия. – Здесь все построено на случайностях!

– А жизнь – это и есть сцепление случайностей, – философски пожал плечами Шишмарев, вдруг до боли напомнив Лючии Бартоломео Фессалоне. – Вся штука в том, чтобы уметь ими распорядиться.

– А вы, конечно, умеете? – не без ехидства проговорила Лючия, но Шишмарев будто не заметил издевки.

– Разумеется, – кивнул он. – А разве вы этого еще не заметили?

Лючия озадаченно нахмурилась. Шишмарев лукаво подмигнул – и вдруг ей пришли на память слова горничной девки, которая ее причисывала: «До льда вам какая печаль? Небось новый мост крепок да ладен?»

Так вот оно что! А она-то, дурочка, благодарила Провидение за столь своевременно пришедшую помощь! Щедр, щедр Шишмарев, деньгами сорит налево и направо. Стало быть, и возчик, и нечаянный попутчик тоже у него на жалованье? Ну... Лючия задыхнулась от возмущения – и вдруг, неожиданно даже для себя, расхохоталась. Ну не могла она, авантюристка, воспитанная прожженным авантюристом, негодовать на своего собрата, пусть даже сама сделалась жертвою его авантюры! И Лючия не поленилась подняться с лавки и сделать Шишмареву шуточно-почтительный реверанс в знак того, что поняла – и весьма оценила его талант управлять случайностями!

У Шишмарева вытянулось лицо: верно, не ожидал такой догадливости. Конечно, ему бы доставило удовольствие наслаждаться изумлением Люции, долго и обстоятельно рассказывать ей, как он ехал следом, как выжидал, пока возчик и его подручный не разыграют свои роли, а путешественница полностью не придет в отчаяние...

Своей сообразительностью Люция выдрала половину лавровых листиков из его венка.

– Однако же востры вы, сударыня, – пробормотал Шишмарев озадаченно. – Я, признаюсь, не ожидал от вас такой прыти. Умом обладаете воистину мужским!

Люция поджала губы. Безобразно плохо, что он обнаружил в ней наличие ума. Мужчина не должен даже подозревать, что у женщины есть ум! Не хватало еще, чтобы Шишмарев начал ее остерегаться и скрытничать, а ведь Люция намерена вызнаться о задуманном им предприятии как можно больше. Разумеется, и речи нет о том, что она намерена участвовать в этом безобразии! Но вывести побольше нужно. Зачем? Да хотя бы затем, чтобы потом предупредить княжну Александру об опасности. Как-никак сестра. Кому же еще ее спасать, ежели не родной сестре?

Люция потупилась, сложила руки на коленях и, нервно теребя кайму шали, пробормотала со старательной стыдливостью:

– Простите, сударь. Я была так неучлива, перебивала вас лишь из своего женского любопытства. Все это меня заинтересовало до крайности. Так необычно, так волну-у-юще.

Намеренно растянув последнее слово, она дрогнула ресницами – густые тени задрожали на бледных щеках, потом медленно, рассчитанно-медленно подняла виновато-томные глаза на Шишмарева – и несколько мгновений глядела на него так. Шишмарев попался на эту простую уловку и аж затрепетал.

Еще бы ему не затрепетать. Подумаешь, какой-то захудалый Шишмарев! Да от ее взгляда сам Лоренцо Анджольери вибрировал, словно туго натянутая струна...

Лоренцо, дьявол! При воспоминании о нем призывный свет в глазах Люции погас, и Шишмарев с видимым облегчением вздохнул, словно вырвался из плена:

– План мой продуман, никаких нестыковок быть не может. Разве что помешает случайность, но от них никто не может уберечься. Тут уж придется сообразоваться с обстоятельствами, и посему я особенно счастлив, что моей партнершей в игре будет столь предприимчивая и хваткая особа.

– Один вопрос! – не выдержав, Люция умоляюще сложила руки. – Только один!

– Ну? – недовольно буркнул Шишмарев.

– Мы с вами знакомы лишь с позавчерашнего дня, а ваш замысел, судя по всему, обдуман весьма тщательно и задолго до этого. Что произошло бы, когда б вы не встретили меня?

– Ну что, – неохотно проворчал Шишмарев. – Князь Андрей...

– Андрей? – вскинула брови Люция.

– Извольский, князь Андрей Извольский принужден был бы исполнить условие пари и похитить княжну Александру.

– Принужден? – с запинкою повторила Люция. – Так значит, он женится на ней не по любви?

– По любви?! – с непередаваемым пренебрежением воскликнул Шишмарев. – Кто здесь говорит о любви?! Да эти двое друг друга терпеть не могут!

* * *

Ах, какая долгая выдалась нынче ночь! Сначала этот безумный разговор с Шишмаревым; потом бессонница подступила, и Люция села под окошком, глядя в непроглядную тьму.

Она попросила у Шишмарева отсрочки до утра, хотя заранее знала, что откажет ему. О, конечно, Люция отлично сумела бы изобразить княжну Александру, поскольку была при-

рожденной актрисой. Что бы там ни молот языком Шишмарев насчет десятилетней разницы, дело всего лишь в пудре, румянах и напомаженных губах. Разумеется, это немножко старит, но Люция, ночная бабочка, так привыкла, что и в дороге не переставала подкрашиваться. Но если все это смыть, откроется то же свежее восемнадцатилетнее личико, каким, надо полагать, обладает и княжна Александра.

Наверное, она, выросшая среди этих российских просторов, такая же сонная, малоподвижная, ко всему на свете равнодушная, как и вся ее страна. Да и князь Андрей, очевидно, таков! Люция их не винила: такая стынь вокруг – тут не до пылкости чувств! Вообще, наверное, русские занимаются любовью только летом – как медведи, пробудившиеся от спячки! Эта мысль до того позабавила Люцию, что она громко фыркнула, и, словно в ответ, за перегородкой раздались шаги Шишмарева.

Вишь-ка, тоже не спит, мечется из угла в угол. Вот свидетельство того, сколь ошибочно мнение Люции о сонном русском темпераменте: уж Шишмарева-то вялым никак не назовешь! Он испытывает к князю Андрею ненависть просто-таки вулканической силы, ежели придумал против него такую каверзу. Не просто женить на нелюбимой, вдобавок нанеся урон ее чести, – женить на приبلудной авантюристке, которая оставит князя вскорости в самом позорном положении, сделав предметом насмешек.

Шишмарев за стенкой громко топнул. Небось изнемогает от беспокойства, что его план сорвется. Если он не соврал, то в случае удачи он сделается истинным набобом⁹, а в противном случае не только впадет в настоящую нищету, но и может угодить в долговую яму, перенеся вдобавок позорную публичную порку, которую русские называют торговой казнью. Тетушка его, Наяда Шишмарева-Лихачева, финансовый гений задуманного предприятия, конечно, ни за чем не постоит, чтобы покарать ослушавшегося племянника. Ведь она уверена в своей полной, почти царственной безнаказанности!

Люция хихикнула, вспомнив, как вчера Шишмарев обрисовывал ей теткин нор. Его какой-то там дальний, чуть ли не в восьмом колене, предок совершил мезальянс, утратил приставку к фамилии и звался теперь просто Шишмарев, а не Шишмарев-Лихачев. Помешанная на родovitости, эта княгиня теперь презирала и всех потомков того бедолаги, называла их уничижительными именами: Евстигней Шишмарев для нее стал просто Стюхой!

Люция зевнула, сбросила шаль и шмыгнула в постель, но лишь голова коснулась подушки, как сон исчез.

Да, пожалуй, можно не сомневаться, что Шишмарев был с Люцией вполне откровенен. Ведь игра шла ва-банк. Утаил только причину пари, проигранного Извольским. Небось какая-нибудь безделица... Люция почти не сомневалась, что проигрыш сей был подленько подстроен Шишмаревым – именно для того, чтобы любой ценой свершилась месть. Мести желала тетушка Наяда, а причина была пустой – и огромной, это уж как посмотреть.

В имении Извольских была расторопная крепостная швейка Ульяна. Игла у девки в руках так и летала, и сие свойство было единственным, что отличало Ульяну от ровесниц. Внешне девка никак не удалась: маленькая, кривобоконая, на лице черти горох молотили; вековуха, а потому злющая! Несмотря на ее огромный портновский талант, хозяева ее не больно-то жаловали и с охотой согласились продать соседке-помещице Шишмаревой-Лихачевой, тем паче что вздорная барыня предложила сумму баснословную. Однако Наяда Егоровна отправлялась навестить родню в Киеве, и сошлись на следующем: она воротится через полгода, тогда и забрет покупку. А деньги внесет сейчас.

Князь Андрей жил широко, был богат, однако от денег никогда не отказывался: взял их и тотчас купил себе в свору новую английскую борзую, которая прежде была ему не по карману.

⁹ Т.е. сказочно богатым.

Соседка отбыла в Киев. Прошел месяц, два, три... и вдруг грянул гром с ясного неба: Улька-то беременна, да не просто, а чуть ли не на сносях! Кто-то все же польстился на сию невзрачную старую деву, однако же покрывать грех не стал. Кое-как добились от чреватой девки, что соблазнил ее захожий коробейник еще по весне, а стало быть, за три месяца до того, как Шишмарева-Лихачева ее купила.

Ну что ж, раз брюхатая – надо рожать. Улька и родила в свой срок, и даже два месяца, расцветшая, пополневшая и похорошевшая, кормила своего младенчика (ее новая хозяйка у родни загостилась), но все же настал, наконец, срок идти ей на новое место. И тут она бросилась в ноги барину с мольбой: младенца оставить в Извольском. Такое бессердечие молодой матери всех покорило, но просьбу уважили. Однако Улька не успокоилась и вымолила у барина клятву перед иконами, что ни за что не отдаст ребенка соседке. Тот посмеялся – и поклялся.

Итак, Улька ушла, обливаясь слезами; сына ее отдали какой-то молодке, у которой было с избытком молока и для своего, и для чужого младенчика, однако через два дня Шишмарева-Лихачева явилась в Извольское с требованием отдать ей ребенка. Мать, мол, измучилась, молоко из сосцов течет... Князь Андрей, помня клятву, которую выплакала у него Улька, попросил, чтобы она сама пришла за младенцем. Но и через неделю та не явилась, а вновь приехала соседка и пригрозила судом: мол, ежели в момент свершения купли-продажи дитя уже было зачато, значит, плод Улькина греха тоже принадлежит новой владелице.

Князь Андрей пожал плечами и согласился, тем паче что отец-то дитяти был не его крепостной! Однако он помнил клятву, а потому просил у соседки разрешения переговорить с Улькой. Наяда заартачилась. Потом князь Андрей как-то узнал, что Улька тяжело больна, а ребенка все же брать не хочет. Началась тяжба. Князь Андрей был нетерпелив, судебная волокита его утомила. Он предложил Шишмаревой-Лихачевой откупить свою бывшую крепостную. Та неохотно согласилась, ибо тоже не любила принародных тяжб, однако цену назначила и за молодую мать, и за приплод с учетом понесенного ею ущерба. Цена вышла несусветная! Чтобы быстро набрать эту сумму, князь Андрей даже свору распродал, предмет зависти всех соседей, и Улька водворилась в прежнем месте жительства, однако и она, и ее хозяин, очевидно, одолеваемый жадностью, принялись распускать чудовищные слухи про тетушку Наяду, выставив ее истинным монстром и зверем в человеческом облике. Разумеется, тетушка обиделась и пожелала отомстить, но втихую.

Самым удобным орудием мести был безденежный племянник, живший исключительно ее щедротами и чаявший баснословного наследства. Однако Наяда уже почти пообещала отказать все свое состояние соседнему монастырю. Но ежели удовлетворит ее шутка, учиненная Шишмаревым с Извольским, – тотчас в его пользу будет переписано завещание. Не удовлетворит – имение, доходы и сбережения отойдут монастырю.

При этом тетушка предоставила племяннику крупную сумму, из которой он смог и подкупить слуг княжны Александры, и, надо полагать, обеспечить князю Андрею проигрыш пари.

Многое оставалось неясным Люции. Например, князь Андрей представал каким-то вздорным дураком. Зачем понадобилось продавать свое имущество? Ведь через месяц, ну два, три получил бы доходы с имения – и выкупил свою крепостную. С чего такая спешка? Ответ был один: не заезжий коробейник, а сам князь был отцом Улькиного ребенка и не смог отказать в просьбе своей бывшей любовнице!

От брезгливости Люция даже передернулась. Князю – спать с крепостной! Она уже достаточно пробыла в России, чтобы усвоить взгляд на крестьян как на существ низшей расы, однако слишком мало, чтобы понять, как невелика разница, порою отделяющая господина от его рабов, чьи жизни в уединенных имениях взаимно зависят друг от друга и близко сплетены. Поэтому вся история, рассказанная Шишмаревым, казалась ей сущей дичью. Тетушка Наяда, разумеется, тоже симпатий не вызывала, но ее побуждения были хотя бы понятны! В случае с

Улькиным ребенком закон явно был бы на ее стороне, а князь Андрей поступил с дамой как истинный медведь.

Что рассказывал о нем Шишмарев? Некоторые особы вроде бы находят князя неотразимым? Можно представить их понятие о неотразимости! Небось, увалень поперек себя шире, грубый, громогласный, униженный драгоценностями, пахнувший потом, с лицом, словно из дерева вытесанным...

И Шишмарев осмелился предложить ей, Лючии Фессалоне, княжне Казариновой, утонченной и нежной, как лепесток розы, броситься в объятия того, кто валялся в навозе с крепостными девками?

Лючия взбила кулаками подушку, жалея, что это не Шишмарев и не Извольский; перевернула ее, рухнула на прохладную сторону, в ярости от того, что утро близко, а сон далек... и вдруг глаза ее закрылись сами собой, и она словно провалилась в пуховую бездну, успев еще изумиться, что ей все-таки удалось уснуть.

Глава VI

Привет из Венеции

Она проснулась оттого, что кто-то сжал ей руку. Тут же раздался шепот Шишмарева:

– Княжна уже здесь!

Итак, он не оставил своего замысла, хотя их затянувшийся разговор так ничем и не кончился...

Лючия открыла глаза. Ей хотелось выпалить сразу, что она не намерена участвовать в интриге, а потом, отделавшись от Шишмарева, встретиться с княжной и предупредить ее. Одна Шишмарев, резко выставив ладонь, словно останавливая Лючию, проговорил:

– Погодите, сударыня! Еще несколько слов.

Он подошел к окну и взглянул на сияющий полдень:

– Эка погода разгулялась! Солнышко! Нет, воля ваша, а не согласен я с теми, кто говорит, будто луна в Италии лучше, чем солнце в России!

Сердце Люции пропустило удар, и кончики пальцев у нее мгновенно похолодели. Однако она сумела сказать вполне безразлично:

– Да? Не знаю, мне трудно судить, потому что...

– А мне показалось, синьора, что вы вполне можете судить, – резко повернулся к ней Шишмарев.

– Вот уж не знаю, с чего вы взяли! – передернула она плечами, призвав на помощь все свое умение блефовать. – Ей-богу, я в жизни своей не была...

– Не спешите согрешить лживой божбою, – наставительно перебил Шишмарев.

Теперь хорошо бы возмутиться, да посильнее! Это Лючия умела делать отменно:

– Да что вы себе позволяете, сударь?! Бесцеремонно врываетесь в комнату к даме и обвиняете ее во лжи...

– Да что вы! – снова, как нанятый, перебил ее Шишмарев. – Это вовсе не я!

– Не вы?! – театрально изумилась Лючия. – То есть ваш облик принял кто-то другой и ворвался ко мне?

– Да нет же, ворвался я, – пояснил Шишмарев так терпеливо, словно говорил с умственно скорбной. – А вот во лжи обвиняю не я.

– Кто же? – всерьез удивилась Лючия. – Господь Бог?

– Ну с Господом или даже одним из его ангелов сей господин схож весьма слабо, а вот на диаволова подручного зело смахивает. Знаете, ведь ко всякому крупному врагу рода человеческого приставлены другие, – так, на мелкие услуги. Все они пронырливы, догадливы и наблюдательны. Один такой, вообразите, заявился сюда. Человек отважный: пустился ночью из Москвы! Я как раз завтракал – на его счастье, ибо он хоть и говорит на трех языках, но, по его собственному признанию, я – чуть ли не первый, кто мог связать хотя бы три слова по-французски.

– И как же вы изъяснялись? – спросила Лючия лишь для того, чтобы хоть что-нибудь спросить, а не сидеть, замерев от страха, хотя, казалось бы, чего бояться? Мало ли чужеземцев путешествует по России, какая ей может быть в том угроза?

– При нем был толмач-полячишка. Сверху шелк, а в брюхе шелк. Однако по-итальянски чешет, как бес.

– У вас куда ни ткни, сударь, сплошные бесы! – усмехнулась Лючия.

– Да видели бы вы сего итальянца, сами сочли бы его исчадием. А голос один чего стоит! Ничего гнусавее в жизни моей не слыхивал. Просто-таки режет уши!

Сердце Люции снова засбоило. Да нет, не может быть!

– И вот, вообразите, этот синьор Чезаре... Ох, сударыня, что с вами?! – всполошенно подскочил Шишмарев, не в шутку испугавшись мертвенной бледности, вдруг покрывшей лицо его собеседницы, словно у нее в один миг выпустили всю кровь.

– Ни-че-го, – едва выдавила по слогам Лючия, вонзая в ладони ногти, чтобы прийти в себя. – Итак, что вам сказал Чезаре?

– Ну, он сказал, что ищет особу, которая выдает себя за княжну Казаринову... и в точности описал ту даму, которую вы увидите, ежели соблаговолите посмотреть в зеркало. Ума не приложу, зачем сия особа ему понадобилась?

«Затем, что меня отдал ему Лоренцо! – едва не воскликнула Лючия, словно наяву слыша ледяной голос убийцы Бартоломео Фессалоне. – Но как, как они могли узнать, где я? – И тут ее словно обожгло: – Письмо! Я уронила письмо отца, когда бежала вслед за Маттео из тайного кабинета! Нет, он уже больше не тайный. Однако секретный ящик в стене Маттео, кажется, запер... Или нет? О Мадонна, да ведь Чезаре потому преследует меня, что его хозяин не сомневается: письма я увезла с собой! И он будет гоняться за мной до тех пор, пока не прикончит так же, как Фессалоне. Нет, – тут же поняла Лючия, – письма для него важнее моей жизни. Он или начнет пытать меня, или попытается увести в Италию. Ну это, конечно, будет затруднительно, хотя... всякие существуют зелья! Иные превращают человека против его воли в покорного раба! О, что же мне делать?! Бежать, надо скорее бежать!»

– Я сперва решил, что речь идет о княжне Александре, – снова заговорил Шишмарев. – И даже, надо сказать, несколько был оскорблен, что ее приняли за какую-то самозванку. А потом меня будто ударило: да ведь синьор Чезаре едет от Москвы, разыскивая даму, от Москвы следующую! Княжна же Александра еще только в Москву направляется. И тут я смекнул, о ком речь. Одна незадача: мы с вами еще ни о чем не договорились, а сей Чезаре уже знал заранее, что вы скажетесь княжной Казариновой. Воистину, диавол вездесущ! – Он в комическом испуге вылупил глаза. – Однако же серой рядом с ним не пахло, из чего я сделал вывод, что его пронизательность зиждется на конкретном знании предмета... Да неужели князь Сергей Николаевич, сей оплот супружеской верности, дал-таки трещинку при виде некоей прекрасной синьорины – как нетрудно догадаться, вашей матушки, сударыня?

Лючия глядела на Шишмарева словно кролик на удава, а тот явно наслаждался ее испугом. Однако страх – это была лишь маска, которую Лючия хорошо умела носить, хотя и презирала всяческую слабость. На самом же деле она уже почти пришла в себя, и трескучая скороговорка Шишмарева, вчера так раздражавшая, сегодня немало способствовала ее успокоению. К мыслям возвращалась прежняя ясность, и она уже успела прокрутить в голове, как избавиться от Чезаре. Его надобно или убить (это предпочтительнее, хотя труднее), или сбить со следа так, чтобы он вовеки не нашел Люцию! Это не менее трудно. Главное, не дать ему увидеть себя! Ну как же, как ускользнуть?!

Она в ярости стиснула виски: думай, думай! – и вдруг догадка возникла в голове – такая простая и такая страшная, что Лючия едва сдержалась, чтобы не закричать в голос.

Лючия взяла гребень и торопливо пригладила волосы, кое-как заплела косу. Шишмарев смотрел на нее разинув рот.

Дурак! Поверил, что у нее вот-вот сердце разорвется от ужаса! Да Лючия Фессалоне, чтоб он знал, в жизни даже в обморок не падала! И еще вопрос, кто будет диктовать условия, если она все же...

– Отвернитесь, – скомандовала Лючия, – я оденусь.

Шишмарев, вытянувшись во фрунт, сделал поворот через правое плечо, и, ей-богу, оказись у него сей минут в руке сабля, он отсалютовал бы, как на параде!

Когда Лючия собиралась на выход, ее туалет был долг и тщателен, требовал помощи модисток и портных. Однако при надобности она могла собраться мгновенно, словно пехотинец, которому протрубили побудку, так что Шишмареву пришлось вновь выкатить глаза, когда,

получив через минуту приказ обернуться, он увидел перед собой вполне одетую даму. Единственное, чего она не успела, так это накраситься, и Шишмарев даже перекрестился, взглянув на нее, а Лючия поняла, что он пылко берет назад свои вчерашние оскорбления насчет десятилетней разницы между ней и Александрой.

– Вот что, сударь, – проговорила Лючия, взяв операцию в свои руки. – Есть здесь где-нибудь место, откуда бы я могла наблюдать за княжной Александрой, оставаясь для нее незримой?

– Есть, – кивнул Шишмарев.

– Где?

– Идемте, я провожу.

Лючия двинулась за ним по темному коридору. Проходя мимо одной из дверей, Шишмарев обернулся и принялся корчить гримасы, тыча туда пальцем. По его ужимкам Лючия поняла: за этой дверью спит Чезаре!

Интересно бы знать, какими байками уgomонил его Шишмарев? Уж не посулил ли, что доставит добычу прямо в его лапы? Так что доверять Шишмареву нельзя, он служит только себе, вернее – наследству тетушки Няды.

Наконец опасная дверь осталась позади, и они прошли в холодные сенцы, пристроенные на задах избы. Шишмарев остановился и принялся выколупывать паклю, которой были заткнуты пазы в бревенчатой стене.

Лючия терпеливо ждала, зябко поводя плечами, и вот, наконец, Шишмарев прильнул к образовавшемуся отверстию, удовлетворенно кивнул, а потом посторонился, предлагая занять его место.

Она быстро шагнула вперед и прижалась лицом к холодным бревнам.

У стола, в точности на том месте, где ужинала вчера Лючия, сидела девушка в сером платье (этот цвет вызвал презрительную усмешку у венецианки) и, склонившись, играла с толстым и ленивым котом. Она наклонялась так низко, что Лючии видны были только стройная напряженная спина и короною уложенные косы темно-бронзового оттенка.

Кот равнодушно взирал на белый пальчик, царапающий перед ним пол, и наконец ответил на заигрывания широчайшим зевком.

С возмущенным восклицанием хозяйка серого платья выпрямилась, сердито шлепнув ладонью по столу, и тут кот ожил! Невозможно было даже представить, что этот бесформенный ком способен взвиться с таким проворством! Но все-таки он оказался тяжеловат: только и смог, что зацепился когтями за край стола – и повис. Девушка протянула руки, пытаясь его подхватить, но увалень не удержался и рухнул, повинуясь извечной кошачьей ловкости, на все четыре лапы.

Видно было, что это событие повергло его в величайшее изумление, но через несколько мгновений опамятовался – с хриплым мявом, взывающим к сочувствию, плюхнулся на бок, вернувшись к состоянию привычной ленивой расслабленности.

Что-то зазвенело, раскатилось золотыми бубенчиками, наполнив убогую комнату мелодичными звуками. Казалось, звенят солнечные лучи, пронизывая золотые кудри, нимбом окружившие лицо княжны Александры. Не тусклая бронза, нет, бледное северное золото – вот с чем были сравнимы ее волосы, а взглянув на сияющую бело-розовую кожу, увидев, как розовеют похожие на мальвы четко очерченные губы, как сверкают ясные серо-зеленые глаза, Лючия поняла утонченное кокетство, с каким был выбран для ее платья этот жемчужно-серый бархат: никакой другой цвет так не оттенил бы сияющих красок точеного юного лица, исполненного блаженного неведения своей ослепительной красоты.

«Святая Мадонна! – смятенно подумала Лючия. – Да этот Извольский, верно, без глаз, если равнодушен к ней!»

И только тут до нее дошло, что она смотрит на свое ожившее отражение, однако эта смеющаяся красавица естественна и простодушна, как утреннее солнце. Она же, Лючия, притом что схожа с Александрой во всем, все же не солнце, а оливково-бледная луна, возлежащая на черном бархате ночи, и каждое изящное движение ее продумано, и каждый призывный взгляд, каждая утонченная улыбка исполнены отточенного мастерства охотницы за мужчинами. Эх, да Лючия не смеялась от души уже лет десять, если не больше, небось уже и не сумеет!

И вдруг зависть к этой ослепительной девушке больно ударила в сердце.

Да, повезло княжне Александре, что она появилась на белый свет несколькими минутами позже своей сестры! Когда б не это, княжну звали бы Лючией, и это ее волосы потемнели бы от металлических гребней, как душа – от вечной жажды денег, удовольствий, мужчин, и каждое ее движение было бы не грациозно-порывистым, как у котенка, а томно-заученным, словно у кошки перед мартовским котом. Невинность, богатство, уверенность в завтрашнем дне – вот что есть у Александры и чего нет у Люции, хотя должно принадлежать ей по праву! Зато она обладает умением быстро мыслить и совершать неожиданные поступки, не жалея о последствиях...

Люцию зазнобило. Конечно, сени были холодны, однако не потому она дрожала. В жизни бывают минуты, когда человек понимает: это решается судьба! И сейчас она всем существом своим ощущала себя на пороге именно такого мгновения. А потому, когда чья-то рука вдруг осторожно коснулась ее плеча, Лючия обернулась с готовностью бесповоротно принятого решения.

– Сударыня! – прошептал Шишмарев. – Фотинья прибежала сказать, что синьор Чезаре проснулся и звал меня к себе!

– За что вдруг такая честь? – остро глянула на него Лючия. – Вы что же, посулили помочь ему в розысках?

Шишмарев просто-таки ходуном заходил от такой неженской проникательности и прямоты, но, верно, успел прочесть что-то в глазах Люции, а потому ответил с той же откровенностью:

– Я же знал, что мы столкнемся, сударыня!

– Делай как знаешь, – махнула рукой Лючия, и Шишмарев торопливо повлек ее по коридору, бормоча:

– Поскорее с глаз долой! Не ровен час, увидит кто – и вся затея рухнет.

* * *

Солнце склонилось к закату, когда Шишмарев в последний раз вошел в комнату Люции. До этого он заглянул на минуточку спросить, желает ли синьора остаться в своем платье или хочет переодеться в наряд княжны. Люции хотелось запустить в него башмаком, но его не так просто было снять, а потому она ограничилась сухой репликой:

– Я не ношу обноски! – и Шишмарев ретировался.

Дело было, конечно, не только в обносках. Серый цвет, столь выгодный для Александры, делал лицо Люции невыразительным, так что между сестрами-близнецами все-таки были различия. Однако Лючия понимала, что ее дорожный туалет все-таки слишком пышен для юной девицы, роль которой ей предстоит играть, а потому она (благо времени было достаточно) кое-где отпоролла рюши, придающие платью чуточку вульгарности, и сменила воротничок из золотого венецианского кружева на белый, брюссельский, очень красивый, но, по сравнению с прежним, почти монашеский. И лицо ее сразу же приобрело выражение невинности и простодушия, особенно когда Лючия сделала прическу, похожую на Александрину.

Глядя на себя в зеркало, она усмехнулась и тут же подумала, что следует поскорее отвыкать от этой усмешки многоопытной женщины. С хищно поджатыми губами у нее был вид завзятой искательницы приключений.

Вспомнив, как смеялась Александра, Лючия попыталась захохотать. Да, весьма похоже. Нет сомнений, что она справится с ролью. А вот Александре тяжеленько придется! Невинный образ сестры возник перед глазами Лючии, но вызвал не жалость или раскаяние, а лишь презрение и чувство, похожее на мрачное торжество. Она просто-таки физически ощущала, как слепая Фортуна ставит все на свои места. Пусть теперь ее сестричка узнает, что такое сырой полумрак палатки, и вкрадчивый плеск весла по крошечной-темной воде, и солнце, завешенное маревым туманом, отчего все краски как бы растушеваны... О прекрасная Венеция, Лючия уже сказала тебе «прощай», теперь очередь Александры сказать «привет»!

К тому времени, когда вернулся Шишмарев, Лючия, пустив в ход все свои актерские таланты, освоила и улыбку Александры, и взлет бровей, и этот невнимательный, словно бы невидящий взгляд, так что могла бы и самого дьявола обвести вокруг пальца, не то что увальня-князя, которому предстояло сделаться ее мужем. Шишмарев сиял, как новенький грош, и Лючия поняла, что дело слажено: введенный в заблуждение Чезаре, словно волк, уволок свою добычу. Надо думать, не обошлось без какого-нибудь зелья, кое Фотинья подсунула княжне! Теперь нужно было лишь вынести обеспамятевшую жертву, погрузить ее в возок – и гнать к границе! Итак, одна сестра похищена, другая ждет своего часа, и чем скорее он пробьет, тем лучше!

– День клонится к вечеру, – нетерпеливо сказала Лючия, – когда же объявится ваш жених?

– *Ваш* жених, – уточнил Шишмарев. – Ваш, прекрасная... простите, мне все недосуг было узнать ваше имя, а вы не удостоили меня чести назваться.

– Как?! – изумленно возрилась на него Лючия. – Разве вы не знаете? Но ведь я княжна Казаринова, Александра Казаринова!

– А по батюшке? – быстро спросил Шишмарев.

– Александра Сергеевна! – так же быстро ответила Лючия, и Шишмарев потер руки:

– Отлично! Вижу, сударыня, вы вполне стоите того щедрого гонорара, которым будут оплачены ваши услуги – потом, когда спектакль будет сыгран.

«Надо бы потребовать деньги вперед», – не без досады подумала Лючия, но заговорила о другом:

– Мне бы хотелось узнать чуть больше о человеке, за которого я сейчас выйду замуж. Интерес мой вполне объясним, сами понимаете.

– Ну что вам сказать... – протянул Шишмарев. – Можете не сомневаться: князь Андрей – волокита, игрок и любитель всевозможных удовольствий. Он всю жизнь был занят только покорением женских сердец, картами и устройством блестящих праздников в своем имении.

Лючия облегченно вздохнула. Таких удалцов она знала как облупленных и лихо умела справляться с ними. Гораздо труднее пришлось бы ей с неискушенным праведником, а характеристика Шишмарева изображает хотя бы светского человека. Северный вариант Лоренцо... ну-ну!

– Вы говорили, он красив?

– Да, он хорош собою, – неохотно согласился Шишмарев, – но взгляд у него неприятный.

«Неприятней, чем у тебя?» – насмешливо подумала Лючия и, испугавшись, что Шишмарев прочтет издевку в ее глазах, с деланным беспокойством обернулась к окну:

– Но почему же его все нет? Вы уверены, что князь решится исполнить условия пари? Все-таки открыто, среди бела дня, умыкнуть благородную девицу – это может ему навредить во мнении света!

– Чего у него не отнимешь, – кисло ответил Шишмарев, – так это умения держать слово и бесстрашия. В жизни не видел человека, который бы так ничего не боялся, как князь Андрей! Если он сказал, что придет, значит, придет, даже если против него выйдет полк солдат.

– Вот об этом я и говорю, – кивнула Лючия. – О случайностях, которые могут помешать...

– Вы уже знаете, сударыня, как я подстраиваю случайности, – перебил Шишмарев, на лице которого осталось недовольство тем, что пришлось похвалить ненавистного князя. – Точно так же ловко я от них избавляюсь. Не сомневайтесь: все пройдет отлично. Я даже позабочусь о том, чтобы князь Андрей не заметил, что перед ним на брачном ложе не цветок невинности, а... как бы это поизящнее выразиться... прекрасная иностранка, которая торговала своими прелестями! Сознаться, ведь именно этим вы были озабочены, когда я вошел?

Лючия впервые осознала, что Шишмарев не только забавен, но и опасен. С ним надо быть крайне осторожной, и хорошо, что она получила предупреждение вовремя!

Послышался торопливый стук в дверь и шепоток Фотины:

– Едут! Князь едут!

– Ни о чем не беспокойтесь, – пробормотал Шишмарев. – Венчание пройдет здесь – князь везет с собой попа; ваша первая ночь будет уже в Извольском, но я позабочусь о том, чтобы супруг ваш добрался до постели сильно пьяным. А теперь я прощаюсь с вами, мне надо...

– Погодите, – схватила его за рукав Лючия. – Где мы встретимся с князем?

– Ну здесь, конечно.

– Нет. Проводите меня в столовую – я встречу князя там.

– Сделаю, – кивнул Шишмарев. – Ну, скорее!

Уже ни от кого не таясь, они вихрем пролетели по коридору, и Лючия ворвалась в столовую в тот миг, когда на крыльце затопали вновь прибывшие. Шишмарев ринулся встречать их, а Лючия, усевшись и раскидав складки платья в продуманном беспорядке, схватила кота, все еще спавшего там, и встряхнула. Кот воззрился на Лючию. Никогда ей не доводилось видеть такого изумления на усатой кошачьей морде, и как ни была взволнована и напряжена Лючия, ей не пришлось прилагать ни малейших усилий, чтобы рассмеяться, так что когда отворилась дверь, вошедших встретил залиvistый хохот.

Лючия смеялась – но при этом была настороже. Она увидела высокого светловолосого человека – стройного, статного; увидела, что он сдержан и молчалив, у него изящный вид, выразительный взгляд, но главное – у него страстное, яркое лицо! И он был красив... в самом деле красив, больше, чем она могла надеяться!

От радости, смешанной со страхом, Лючия еще пуще рассмеялась – и каким смехом! Огонь в глазах, ослепительно белые зубы, сияние изящного лица...

Разве могла так смеяться невинная, бесцветная Александра? Да никогда в жизни! Да где ей!

И Лючия увидела, как дрогнули в ответной улыбке губы этого человека... и как дрогнуло его сердце. Он был сражен первым выстрелом, он уже принадлежал ей – с первого взгляда!

В это время кот рухнул на пол, и засмеялись уже все присутствующие. Все смотрели на горемычного увальня, и только князь Андрей не отводил взора от Люции. Она тоже смотрела на него безотрывно и настолько была упоена своей победой, что не заметила, как потерпела поражение...

Часть вторая Александра

Глава VII Пробуждение и кошмар

Квас у Фотиньи оказался кислым, шибал в нос перебродившим бражным духом. Александра всего глоточек-то и сделала, однако и этого достало, чтобы вдруг обморочно закружилась голова и пошли двоиться предметы.

«Я захмелела! – с изумлением поняла девушка. – Ей-богу! В первый раз в жизни. Как интересно!»

Она тупо наблюдала, как плавает вправо-влево ленивый хозяйский кот, не сводя с нее сонных глаз. Фотинья глядела на осоловевшую княжну с болезненным любопытством. Александра удивилась: как же это она так качается? Закачался и человек в черном парике, несмело заглянувший в комнату и опасливо воззвизнувший на Александру. Она с трудом вспомнила, что это Шишмарев, московский знакомый, но ни слова приветствия сказать ему не смогла: замутило так, что пришлось сжать зубы, чтобы не стошнило. Вокруг нее громко говорили – до боли в ушах, – но о чем, непонятно...

– Наконец-то уснула! – воскликнул кто-то с польским выговором, и Александра кое-как уразумела, что речь идет о ней: ведь именно она сейчас неудержимо проваливалась в сон.

– Да, – пробормотала она, – я сплю...

И мир для нее надолго перестал существовать.

...Впрочем, спала она с удовольствием. Это было куда приятнее, чем ощущать немилосердные толчки (Александра поняла, что ее куда-то везут, но куда и зачем – даже думать об этом было выше ее сил), жевать какую-то неудобоваримую еду, пить исключительно Фотиньин квас. Лишь только она чуть-чуть просыпалась и начинала вяло причитать, что ей необходимо по нужде, какие-то двое подхватывали ее с обеих сторон и волокли из тепла в стужу, где она безотчетно делала, что надобно. Каким-то образом она понимала, что эти люди щадят ее стыдливость, не стоят вблизи, отворачиваются... а впрочем, все чувства были в ней подавляемы напитком, которым ее непрестанно пичкали. Когда Александру будили поесть, она просыпалась весьма неохотно, прежде всего потому, что ее никогда не называли настоящим именем, а кликали Лючией или чехвостили *ladra*, *avventuriera* или вовсе *diavola bambola*¹⁰. Почему-то Александра понимала эти слова, хотя они и произносились на чужом языке, который она каким-то образом понимала – сначала плохо, потом все лучше и лучше, хотя смысл речей большей частью не достигал ее замутненного сознания.

Она соображала тем не менее, что все еще находится в пути: ее тело смутно вспоминало состояние постоянного движения на переменных тройках. Иногда, открыв глаза, она видела вокруг себя какую-нибудь мрачную избу, которую освещала лучина. Догорая, она перегибалась и, дымясь, падала в подставленную плошку с водою; новая с треском ярко вспыхивала... это повторялось часто, до бесконечности часто!

И вот наконец Александра в первый раз толком проснулась.

Сначала она чувствовала себя как бы в лодке, которая беспрерывно колыхалась то в одну, то в другую сторону. Чем дальше, тем более усиливались толчки. Александра начала стонать. Иногда в ответ раздавалась раздраженная скороговорка, и Александра умолкала, но ненадолго,

¹⁰ Воровкой, авантюристкой... чертовой куклой (*итал.*).

и при новых толчках снова принималась стонать. И вдруг она ощутила, что заваливается на бок и летит куда-то... во что-то мягкое, холодное... до ужаса холодное! Нечто влажное, ледяное прилипло к ней сверху, как если бы некий полог обрушился, сковывая все движения и грозя удушить. Вдобавок на нее навалилась какая-то мягкая шуршащая тяжесть, окончательно повергнув в панику.

Александра истошно закричала, и не сразу до нее донеслись два голоса, которые наперебой приказывали ей, чтобы она продвинулась как-нибудь к отверстию, прорезанному ножом. Александра сначала ничего не понимала и могла только стенать, но чем холоднее становилось, тем более прояснялись мысли. Наконец-то она поняла, чего от нее хотят, и, сбросив с себя груз (это оказался какой-то мешок), на четвереньках поползла туда, где брезжил свет. Стоило ей высунуться, как ее схватили за плечи и вытащили наружу одним рывком, таким сильным, что Александра упала вниз лицом на что-то колючее, мокрое, студеное.

Это был снег, теперь она узнала его: грязный, ноздреватый и совсем не белый, но наконец-то Александра обнаружила нечто знакомое! Она приподнялась и увидела, что поблизости лежит завалившаяся набок дорожная карета, застегнутая с обеих сторон кожаными фартуками, а в постромках бьются упавшие лошади, которых пытаются поднять трое мужчин. На Александру никто не обращал внимания, и она встала, выпрямилась, шатаясь и обеспокоенно озираясь по сторонам. Вокруг валялись разбросанные вещи; рядом лежал мешок с овсом – возможно, именно он придавил Александру. Она увидела какие-то узлы, саки – и рассеянно принялась подбирать их. И вдруг ее словно ударило: она осознала, что неведомым образом перенеслась из постоянного двора в какое-то чистое поле, в общество незнакомых мужчин. Туманные картины проплыли в ее памяти, и Александра едва не закричала от ужаса, сообразив: да ее же похитили! Похитили и везут неизвестно куда! Не думая, не размышляя, повинувшись только желанию спастись, Александра рванулась вперед и со всех ног понеслась к узкому синему крылу леса, огибающему грязно-белое поле. Однако скользкая корка наста не давала быстро бежать, Александра упала на колени, попыталась снова вскочить, но тут чьи-то руки вцепились ей в плечи и резко повернули.

Два искаженных страхом и ненавистью лица замаячили перед ней. Одно принадлежало поляку, это можно было понять по трусливому, бегающему взгляду и запыхавшемуся шепотку: «Пшепрашем, пани... Ох, пся крев...» Второе – маленькое, гладкое, смуглое, с прилизанными черными волосами, отталкивающее лицо человека без возраста. Тонкие змеиные губы искривились, гнусаво выкрикнули: «Puttana!»¹¹ – и чья-то рука с такой яростью хлестнула Александру по щеке, что она рухнула без чувств.

...Теперь она долго не ощущала вокруг себя ничего, не чувствовала дороги, а просто тяжело, тупо спала, и тем более неожиданным оказалось для нее новое пробуждение.

Она проснулась от того, что нечто горячее охватывало ее тело и непрерывно плескалось на голову. При этом чьи-то пальцы немилосердно теребили ее волосы, но даже это было приятно Александре, так как несло дивное ощущение чистоты и свежести. Открыв глаза, она обнаружила себя сидящей в лохани. Чьи-то руки горстями набирали воду, лили ей на голову. Александра долго смотрела на эти мелькающие руки, на воду, над которой курился парок, на очертания своего исхудавшего тела – смотрела в глубокой задумчивости, в том рассеянии мыслей и чувств, какое бывает на границе между бодрствованием и сном, жизнью и смертью, пока человек, который ее мыл, не зашел спереди, и Александра не увидела старуху.

Это была не русская старуха, сразу ясно! Русские бабушки не носят высоких накрахмаленных чепцов, пышных юбок с корсажами, у них не такие рубахи, нет шейных косынок... да и вообще, у наших приятные, милые, мягкие лица, а эту будто кто-то делал-делал, потом рассердился – и бросил, настолько негармоничным казалось ее лицо.

¹¹ Шлюха! (итал.).

Александра испугалась, потом успокоилась. Надо думать, старуха ей снится, а потому следует и воспринимать ее как неприятное сновидение, думая лишь о приятном: о горячей воде.

Однако сей милой радости она была скоро лишена: больно отжав ее волосы, старуха грубо вытерла их и затем, не говоря ни слова, резко потянула Александру за руку – вставать. Нехотя подчиняясь, та громко, протестуяще вскрикнула; на этот звук тотчас распахнулась дверь, и перед Александрой появились двое: какой-то пухлощекий, а с ним невысокий, смуглый. В пухлощеком Александра сразу узнала поляка. Второй был весьма щедущен, а его маленькая прилизанная головка нелепо торчала на длинной шее, явно доставшейся ему от какого-то другого тела. Александра сначала подумала, что он иностранец: таких уродцев в России она не видела! – а потом вспомнила его. Да это же он недавно назвал ее шлюхой!

Все эти мысли промелькнули в голове быстрее мига, за который Александра, поняв, что осталась обнаженной, выхватила из рук старухи большую простыню и прикрылась ею.

Чернявый гнусаво захохотал:

– Откуда такая стыдливость, синьорина? Ежели это потому, что мы с вами незнакомы, то поспешу представиться: мое имя – Чезаре, я на службе у хорошо известного вам князя Анджо-льери – назовем его пока так. Я секретарь синьора Лоренцо, исполнитель конфиденциальных поручений и поверенный его тайн. Например, он не утаил от меня ни одной пикантной сцены, при которой присутствовал в казино Моро: там вы, уподобясь одновременно Аспазии, Фрине, Мессалине и Клеопатре, полностью сбросили с себя одежду и забавлялись тем, что предлагали всем желающим пить из бокала, в который обмакивали сосок то одной, то другой груди. Вот почему я удивился, когда вы столь внезапно закрыли от меня свои прелести. Все равно они уже скоро станут моими. Вам, должно быть, неизвестно, однако синьор, которому принадлежит ваша жизнь, отдал вас мне. Ему вы не нужны, ему нужны только письма, украденные старым пройдохой Фессалоне – да сгноит Господь его душу! – а потом и вами.

Из этого торопливого, гнусавого монолога Александра поняла только одно: ее обвиняют в краже – и честь ее взбунтовалась.

– Да вы в своем уме, сударь! – воскликнула она, мимолетно удивившись тому, как легко подчиняется ей итальянский язык, хотя уже и позабылись уроки, которые некогда давал ей учитель музыки. – Я ни у кого ничего не крада!

– Ну понятно, синьорина Лючия, – кивнул человек, назвавшийся Чезаре. – Вы сочли, что письма принадлежат вам по праву как наследство отца. Однако Фессалоне ведь не был вам отцом.

– Конечно, не был! – в восторге от того, что слышит хоть одно здоровое слово, воскликнула Александра. – Мой отец – князь Казаринов!

Поляк хихикнул, а Чезаре нахмурился.

– Чем скорее вы перестанете забивать свою голову этой чепухой, тем будет лучше, – сказал он сердито. – Я полагал вас умнее. Фессалоне сам признался, что вся его жизнь – ложь, я ведь читал его письмо, вернее, те несколько страниц, которые удалось найти. Но и по этим обрывкам стало ясно, что старый негодяй не изменил себе и перед смертью. Он наплел каких-то небылиц, которым вы поверили. Конечно, князя Казариновы очень богаты, и вы надеялись откусить немалый кусочек от сего сладкого пирога, шантажируя их итальянскими приключениями князя Серджио. Но не вышло! Фортуна к вам переменялась, синьорина Лючия! Теперь ваши благополучие и жизнь зависят от меня... Конечно, в первую голову от синьора Лоренцо, а потом уже от меня, – поправился он.

– Ради бога, – пробормотала Александра, и слезы навернулись на ее глаза, – ради господ бога, о чем это вы все время толкуете? Я не понимаю...

– Сударь, сударь! – громко, как к глухому, обратилась к Чезаре старуха на резком, лающем языке, который тоже был знаком Александре: старуха говорила по-немецки. – Скажите, сударь, это правда, что она воровка, преступница?

Чезаре высвободил рукав своего камзола из цепких пальцев старухи и кивнул.

– Да, почтенная фрау, – отвечал он на ужасном немецком. – Вам не верится в мои слова, вам чудится, что нравственная чистота и искренность ярко запечатлелись на ее лице? Ничуть не бывало! В облике этой женщины природа нагала самым бесстыдным образом. Pro criminibus¹², содеянные ею, она вполне достойна быть заключена в подземную темницу во Дворце дождей! Мне даже находиться с ней рядом противно! – И, патетически плюнув, он вышел, бросив на прощанье: – Покарауйте ее пока что, синьор, тьфу ты, пан Казик, я скоро вернусь, только отдышусь немного, не то убью ее на месте!

Вряд ли немецкая старуха знала, что такое Дворец дождей, однако священный ужас отобразился во всех дочиста промытых морщинах ее некрасивого лица:

– И вы оставили со мной наедине такую страшную злодейку? Но ведь она могла бы меня задушить, а потом бежать, и тогда мои маленькие внучата никогда не увидели бы своей доброй бабушки! Ни минуты я здесь больше не останусь! А ну, убирайся из моей лохани, греховодница!

С этими словами она грубо выдернула из лохани Александру, так что половина воды выплеснулась на пол, и, натужась, выволокла тяжелый сосуд за дверь. Однако немецкая чистоплотность взяла верх над ужасом, потому что старуха воротилась вытереть лужу. Жаль только, что эта пресловутая чистоплотность превзошла и стыдливость, ибо вытирала немка пол не чем иным, как простынкою, которой укрывалась Александра, так что та осталась обнаженной под пристальным взглядом пана Казика. Руки старухи оказались весьма проворны, лужа исчезла в мгновение ока, а вслед за тем исчезла и сама старуха, оставив Александру во власти поляка.

Мало того, что наряд его напоминал попугая – он был надушен, как султан, и Александра, несмотря на испуг, невольно закусила губу, чтобы не рассмеяться. Да, в пане Казике не было ничего, способного внушить ей ужас. Кроме взгляда.

Неприкрытая, алчная похоть вспыхнула в маленьких бесцветных глазках.

С криком Александра ринулась к окну, рванула створки, но они оказались накрепко прибиты. К тому же зрелище, открывшееся за окном, ошеломило ее и даже заставило забыть о пугающем взоре пана Казика.

Солнце, опускаясь к закату, освещало косыми лучами улицы неведомого города. Около высоких и узких домов странной, невиданной архитектуры на скамьях сидели их хозяева, мужчины и женщины, тоже в странных костюмах. Среди них Александра успела разглядеть знакомую старуху, которая что-то рассказывала, сурово тыча пальцем вверх, словно обвиняя самого Господа в том, что ее заставили мыть преступницу.

Боже! Чужой город, чужая страна, в которую она завезена злыми людьми! За что, почему? За кого ее принимают, за чьи ошибки и преступления принуждают рассчитывать?

Она в отчаянии обернулась к пану Казику, намереваясь умолять его все ей объяснить, однако остолбенела, увидев, что он приблизился почти вплотную к ней и что-то торопливо делает руками внизу своего живота. Живот был жирный и голый: пан Казик стоял со спущенными штанами, и Александра расширенными глазами уставилась на какой-то отросток плоти, который пан Казик лихорадочно тер руками, истово бормоча:

– Ну, вставай же, вставай, ну!

Что-то белесое, неопрятное вяло колыхалось в его пальцах, и Александра, с отвращением отвела взгляд, смотря на побагровевшее лицо пана Казика. Она была так невинна, что даже не очень испугалась его движений, потому что не поняла их смысла. Вдобавок глаза поляка были

¹² За преступления (лат.).

теперь не похотливыми, а сердитыми и даже испуганными, а потому Александра, которая не забывала о своей наготы, попыталась прошмыгнуть в угол, где валялись какие-то тряпки. Но не тут-то было! Пан Казик оказался весьма проворен и перехватил ее, а потом с силой швырнул перед собой на колени, бормоча:

– Ну, приласкай же его, поцелуй!

Александра, не веря своим глазам, вытаращилась на дурно пахнущее нечто, которое дрожащие пальцы пана Казика совали ей в лицо. Ее чуть не стошнило.

Она отпрянула, но пан Казик одной рукой впился ей в затылок и с силой прижал к своему грязному отростку.

Александре было так больно, что у нее даже зубы зачесались – что-нибудь укусить! Она исхитрилась чуть повернуть голову и впиться зубами в жирную ляжку пана Казика.

Страшный вопль сотряс стены дома, и старухи, судачившие внизу, надо полагать, дружно осенили себя крестным знамением.

Пан Казик оторвал от себя Александру и швырнул ее на пол, а сам, путаясь в спущенных штанах, испуская дикие крики: «Матка Боска! Пан Езус! Убила! До смерти убила!» – ринулся прочь, жалобно причитая. Дверь за ним захлопнулась, и Александра осталась одна – лежать на полу, разжимать сведенные судорогой челюсти и выплевывать жесткие волосы, оставшиеся у нее во рту.

А найдя силы подняться, побрела к своему любимому серому платью, валявшемуся в углу. Нет, надеть его нельзя было под страхом смерти! Оно превратилось в какие-то грязные обноски. Разумеется, ведь Александра не снимала его ни днем ни ночью, пока ее волокли в возках и кибитках. Неведомо, сколько времени миновало, но никак не меньше месяца: в Германии (надо полагать, они сейчас в Германии) настоящая весна. Нет, с серым платьем придется, увы, проститься. Что же надеть? Вокруг громоздилось не меньше десятка узлов и баулов. Наверное, это ее вещи? Иначе пан Казик и Чезаре унесли бы их отсюда. Александра склонилась к узлам и баулам и принялась их открывать, от души надеясь, что похитители позаботились вместе с нею похитить ее гардероб.

Ей снова не повезло – это оказались чужие вещи, которые Александра сначала сконфуженно отбросила, а потом, подперев дверь тяжелым стулом, чтобы к ней внезапно вновь не ворвался омерзительный пан Казик, перебрала все до единой, с каждым мгновением приходя все в больший восторг: так они оказались хороши!

Нижние юбки были сшиты из тончайшего льна, украшенного кружевом с золотой нитью, как будто на них предстояло смотреть не только даме, их носившей, но и посторонним. Таким же утонченным кокетством отличалось все белье, от рубашек до белых и цветных чулок. Оно лежало в отдельном саке, и Александра сперва даже не поняла, что это – исподнее, решила, что летние платья. Но уж когда она добралась до платьев, из ее груди исторглось что-то вроде стоны. Тяжелые шелка, парча, атлас, муар самых изысканных цветов. И у каждого наряда узкий лиф, банты, изящная шнуровка – в основном спереди, что очень удобно; вырезы оторочены кружевами несравненной прелести, тоже с серебряной или золотой нитью, на рукавах – пышные воланы... Утренние negligé с изящными чепчиками, сшитыми, чудилось, из лепестков роз. Некоторые платья были отделаны мехом, ну а круглая, подбитая горностаем кофта «карако» на несколько секунд просто-таки лишила Александру дыхания...

Время шло, а Александра так и сидела, совершенно голая, среди всего этого великолепия и растерянно трогала то одну вещь, то другую, чувствуя себя при этом как в сказке. Однако чем дольше она любовалась, тем отчетливее понимала, что это вещи не случайно куплены – они тщательно подобраны. Очевидно, похитители попросили какую-то особу подготовить гардероб для Александры. Но почему именно такой? Так носят в этой стране? Но кто – дамы или девушки?

В тщетной надежде отыскать нечто подобное достопамятному серому платью она выбрала тяжелый муар слегка затуманенного синего оттенка, туфли в тон, белые ажурные чулки, белый воротничок, прикрывающий декольте (не стоит упоминать, что скромного закрытого платья найти не удалось). Причесалась так, как привыкла дома, однако, заглянув в облепленное лютеранскими ангелочками зеркало, нашла очень мало сходства с той Александрой, которая некогда смотрелась в русские зеркала.

Строго говоря, Александра, никогда не забывавшая слова какой-то разумницы, что люди из самолюбия считают себя красивее, чем они есть, всегда была уверена, что зеркала ей льстят, а по скромности своей не любила привлекать к себе внимание. Нет, у нее не было жеманно-сдержанного вида и натянутых манер, которые встречаются обыкновенно у поместных барышень. Она могла быть очень резвой, говорить все, что придет в голову, – особенно когда рядом не было родителей. Князь Казаринов под видимой мягкостью имел характер твердый, и хоть служил дочери Петра Великого, все же во многом следовал патриархальным старинным обычаям и правилам, усвоенным еще в детстве. Вследствие этих правил он строго наблюдал за тем, чтобы дочь его была в полном повиновении у него и матери. Княгиня Екатерина вполне была с ним согласна. Поэтому в их присутствии Александру ожидали суровая светская муштра и подчинение приличиям. Оставшись же под присмотром бабушки, она пользовалась полной свободой: бегала одна, стреляла из лука, гуляла в лесу, влезала на старый дуб рядом с домом, рвала там желуди и бросалась в проходящих мимо крестьян...

В ней как бы жили две разных Александры. Одна – беленькая, нежная, хорошенькая, в кружевах и атласе куколка с совершенно пустой головкой, всецело поглощенная соблюдением приличий. Другая – словно бы сотканная из радостей и веселья, озорства и безрассудства, страдающая лишь от того, что сердце ее пусто.

Она прекрасно знала, что скоро предстоит ей выйти замуж и что судьба часто готовит девушке в мужа человека, не вполне подходящего. И князь Андрей впервые удостоился восторженных мечтаний Александры, когда предстал пред ней не просто скучным соседом. Ведь она знала о пари! Она хотела помериться с Извольским хитростью. Даже в бесчувствии, даже в плену зелья она подспудно надеялась, что именно князь Андрей похитил ее... но надежда рассеялась, как сладкий сон.

От необременительных грез она пробудилась для непрерывного кошмара!

Глава VIII

Путешествие

Через несколько дней, найдя среди своего нового багажа золотистую шаль с затейливым орнаментом по кайме и разгадав в сплетении цветочных стеблей витиеватую надпись «Лючия Фессалоне», Александра догадалась о причине своего несчастья: ее просто-напросто приняли за другую! Этой другой и принадлежали неприлично изысканные наряды!

Александра удивилась, что не связала концы с концами, еще когда впервые услышала это имя от Чезаре. Извиняло ее только то, что прежде она была совершенно одурманена и не могла здраво рассуждать при всем желании. А теперь все стало ясно. Эта Лючия, кем бы она ни была, почему-то выдавала себя за княжну Казаринову – это и ввело Чезаре в заблуждение. Он, наверное, ни разу не видел Лючию Фессалоне и пребывал в уверенности, что заполучил именно ее. И никакие силы земные и небесные не могли развеять это заблуждение: он слова не давал молвить Александре, тут же начиная твердить про какого-то синьора Лоренцо, который должен получить от проклятущей Люции письма, а потом свершить свою месть. Глупее всего, что свободу Александре предстояло получить тоже из рук этого Лоренцо: ведь увидев ее, он сразу поймет, что Чезаре жестоко ошибся и привез другую женщину. Разумеется, Александра тотчас будет отправлена со всеми возможными извинениями в Российскую империю. И, может быть, самое разумное теперь – спокойно продолжать путешествие, хотя бы для того, чтобы поглядеть, как месть Лоренцо обрушится на супостата Чезаре и его недоумка-подручного. Но это было последним развлечением, которое пожелала бы увидеть Александра: она почему-то ужасно боялась Лоренцо.

Еще бы! Чезаре так жутко его живописал! Лоренцо представлялся Александре зловещим пауком-стариком, алчущим крови своей жертвы. Из-за каких-то писем преследовать красивую женщину! Александра не сомневалась, что неведомая Лючия должна быть весьма хороша собой: носить такие декольте может себе позволить только обладательница ослепительной кожи и роскошной груди. Она была стройна – ведь все ее туалеты пришлось в пору Александре; судя по подбору цвета нарядов, светловолосая, с ярким лицом. И ножка у нее, наверное, была изящная, с таким же круто выступающим подъемом, как у Александры: бабушка любила приговаривать: «Круг пяты яйцо покати, под пятой воробей проскачи!» Вот только она, эта Лючия, была чем-то очень напугана и обеспокоена, потому что, надевая ее платья, Александра в первый момент всегда чувствовала исходящую от них тревогу, пропитавшую каждую складку, подобно легкому аромату духов. Да, верно, Лючия крепко боялась синьора Лоренцо! И этот страх роднил ее с Александрой. Понятно, что Лючия стремилась убежать от такого чудовища! А вот Александра, увы, с каждым мгновением приближалась к нему.

Чезаре не стал задерживаться в Германии ни одного лишнего дня, но перед тем, как тронуться в путь, явился к Александре и спросил, что предпочитает синьорина Лючия: дать слово не пытаться бежать и пользоваться в пути относительной свободой – или снова быть опоенной зельем, которое лишит ее всякой воли. Александра почему-то не сомневалась, что «синьорина Лючия», от которой требовалось решение, дала бы какую угодно клятву – но не замедлила бы нарушить ее при первом же удобном случае. Александра с легким сердцем поступила так же: давая клятву от имени Люции, она не гршила перед Богом. И отправилась в путь по-человечески, сидя в карете, правда, крепко зажата с двух сторон обозленными мужчинами, которые стерегли каждое ее движение и немного успокаивались, лишь когда видели на ее лице впечатление замкнутой сосредоточенности и отчужденности. Но за этой маской скрывалась напряженная работа мысли.

Первый раз в жизни Александре пришлось задуматься, чтобы решиться самой на что-то, а не выполнить приказание матушки или бабушки. Даже и сны ее были полны такой же заботой: как обмануть стражей, не спускавших с нее глаз?

Она уже отчаялась убедить Чезаре в его ошибке и даже привыкла не отвечать на его оскорбления. Что проку тратить силы и время на разговоры? Надо бежать. Но как? Ведь ее никогда не оставляли одну, а при туалете – только проверив запоры на окнах и дверях, причем у тех и других всегда стоял один из ее стражей. Александра понимала, что действовать надо наверняка. Но, конечно, иногда ей трудно было удержаться от искушения и не воспользоваться тем, что казалось нечаянным подарком судьбы, хотя на самом деле оборачивалось коварной подножкой.

Они въехали в город Грац. Как и везде в Европе, здесь было слишком много камня и слишком мало деревьев. Как австрийцы дышат среди этих камней?

Утомленная дорогой, она рассеянно вышла из кареты и, с трудом разминая затекшие ноги, побрела вслед за Чезаре к трактиру под вывеской с тремя розовыми хрюшками. Витиеватую надпись прочесть было трудно.

«Наверное, опять что-нибудь королевское. «Королевские свиньи», например!» – желчно подумала она: в Австрии чуть не все трактиры несли на вывесках слово «королевский» или «императорский».

Вдруг сильный толчок едва не сбил ее на землю, а Чезаре так и вовсе рухнул, хватаясь за пояс, с которого был срезан кошелек: малорослый воришка уже улепетывал через площадь.

Ни секунды не мешкая, на ходу подхватив юбки, Александра бросилась за ним.

– Держи ее! – взвыл пан Казик – наверняка согнувшийся от боли, ибо Александра успела, как бы невзначай, въехать ему в живот кулаком. – Держи ее!

– Держи вора! – завопила Александра, летя, как стрела, вслед за грабителем. – Держи вора!

– Держи вора! – взревела на разные голоса заполненная народом площадь (в кирхе только что отслужили обедню, множество прихожан вышли из высоких резных дверей) – и толпа ринулась по следу, а впереди всех неслась Александра, отчетливо различая среди всего этого оглушительного гомона два пронзительных голоса, кричавших:

– Держи ее!

Воришка оглянулся на бегу – и при виде приближающейся толпы, которую возглавляла неистовая особа в синем платье, нервы его сдали. С прощальным криком он отшвырнул от себя драгоценную добычу, так что кошель упал прямо под ноги Александре, – и с удвоенной скоростью ринулся наутек. Ну а его преследовательница, поскользнувшись на толстой коже, из которой был сшит кошель, рухнула на мостовую, пребольно зашибив обе колени.

Впрочем, тут же подбежали любезные австрийцы, подхватили под белы ручки, подняли, осыпая цветистыми комплиментами, больше всего которых пришлось на долю резвых ножек прелестной фройляйн. Ей подали, предварительно стряхнув с него пыль, растреклятый кошель – и она так и стояла, прижимая его к груди и улыбаясь, как дура, всем своим вновь обретенным поклонникам, а заодно и Чезаре с паном Казиком, которые наконец продрались сквозь толпу и с двух сторон вцепились в Александру с выражением лиц, не предвещавшим ничего доброго.

У нее мелькнула шальная мысль воззвать к помощи австрийцев, очарованных ею, однако Чезаре, с явным усилием растянув в улыбке тонкие губы, отчего сделался похож на гиену, просвистел:

– Это моя жена!

Австрияки тотчас почтительно отступились от чужой собственности. Более того! Один из них продемонстрировал свою нравственность тем, что подхватил даму под руку и чуть ли не сунул ее в объятия «супруга»... за что был награжден чувствительным взглядом Александры,

о чем впоследствии, в своем кругу, отзывался так: «Ну и глянула... точно поленом по спине! Ошеломляющий взор!»

Ну а Александре, на собственном опыте удостоверившейся, что услужливый дурак опаснее врага, ничего не оставалось, как прибегнуть к последнему средству обороны: сунуть в физиономию Чезаре чертов кошель. Выходило, что она ужас как пеклась о благосостоянии ненавистного итальяшки и оттого бросилась не наутек, а в погоню.

Чезаре опешил, не зная, верить своим глазам или чутью, которое подсказывало не доверять этой *svelta*¹³. Но прицепиться было вроде не к чему, да и опасно казалось закатывать «супружескую сцену» на глазах у восхищенных дамской доблестью австрийцев, а потому он ограничился тем, что, все с той же змеиной улыбкой, схватил Александру под локоток и поволок в трактир, который и в самом деле назывался «Королевские поросята».

В Австрии в ту пору модными были мужские жилеты, разрисованные бабочками. Эти необычайно важные сведения Александре сообщил пан Казик, который, подобно всем полякам, обожал любое европейское государство с такой же страстью, с какой ненавидел Россию, а потому все виденное в пути вызывало у него просто-таки восторженные содрогания, неумеренную словоохотливость – и почти не сдерживаемую ничем похотливость. Теперь каждый день Александре приходилось держать от него глухую оборону: весь ее правый бок (с этой стороны сидел, как правило, пан Казик) был покрыт синяками от его шаловливых щипков, однако в прямую атаку он не переходил: может быть, боялся Чезаре, которому немалое, судя по всему, удовольствие доставляло то и дело напоминать Александре, что она теперь фактически принадлежит ему, и как только неумолимый синьор Лоренцо получит вожделенные письма, тут-то он, Чезаре, доберется до нее! О том, как он будет осуществлять эту свою власть, Чезаре многозначительно умалчивал, за что Александра была ему благодарна, однако у пана Козла, как она с ненавистью называла его про себя, воображение, видимо, работало куда живее, потому что он так начинал ерзать на сиденье, так прерывисто дышал, так багровел и потел, что сидеть рядом с ним делалось истинным мучением, и Александра из глубины сердца молила всех святых, чтоб не дали ей снова оказаться во власти похотливого шляхтича.

О, если бы не надежда на благоразумие и справедливость неведомого синьора Лоренцо, кто знает, не сошла бы она уже с ума в этом путешествии, не наложила бы на себя руки, настолько трагически теперешняя ее жизнь была не похожа на прежнюю, так болела душа от воспоминаний об утраченном, такой страх внушало будущее.

* * *

– Если поедете из Филлаха в Уфино, то берегитесь ездить ночью. Дорога эта гориста; по левую сторону текут потоки, а по правую есть ужасная стремнина и глубокая пропасть, – сказал какой-то трактирщик, и его слова запали Александре в душу.

Это был как раз один из тех печальных моментов, когда самая смерть казалась ей предпочтительнее полной неизвестности, к которой ее влек Чезаре. Вот кабы он все же тронулся в путь, да все они вместе и рухнули в пропасть – Александра избавилась бы от страданий! Однако ни один проводник не ходил через Альпы в темноте, так что волей-неволей путникам пришлось ночевать в трактире. Александру препроводили в комнату с каменным полом и соломенным стулом и оставили одну.

Спать еще не хотелось, и она с наслаждением занялась своим туалетом, благо воды ей принесли вволю, и когда улеглась в постель, чувствовала себя если не умиротворенной, то хотя бы успокоенной. Как-то сразу налетела дрема, но легкий шорох заставил ее встрепенуться: кто-то явно пытался отворить дверь, которую она, мало что та была заперта снаружи на ключ, еще

¹³ Пройдохе (*итал.*).

и заложила изнутри бог знает зачем ножкой соломенного стула за неимением лучшего. И вдруг выяснилось, что Бог и впрямь знал, зачем она это сделала!

Александра бесшумно выбралась из постели и, занеся для удара глиняный кувшин – это было ее единственное оружие, – встала у двери.

Солома, конечно, была сухая, однако дело свое делала: дверь, уже отпертая ключом, не отворялась, как ни тужился неизвестный. Впрочем, почему такой уж он был неизвестный? Его пыхтение оказалось знакомо Александре. Вдобавок он то и дело бормотал: «Пся крев». Вот оно что! Мерзкий полячишка решил повторить попытку! То-то он сегодня даже не ерзал, а просто-таки скакал на сиденье кареты! И неудержимое вожделение, верно, удесятило его силы, ибо ему удалось-таки немного сдвинуть засов: солома-то была скользкая. Пожалуй, если так дело пойдет, пану Казику удастся ворваться в комнату, и ждать этого Александра была не намерена.

Она поспешно оделась, причем выбрала самые крепкие башмаки, а платье попроще и полегче. Прихватила несказанной красоты шаль: в горах может быть прохладно. Что-то подсказывало ей, что она окажется-таки в горах нынче ночью, и сердце пело в предчувствии свободы. Она, конечно, уже давно убежала бы через окошко, да вот беда: в этой части дома они были забраны решетками. Лет десять назад, как рассказали сегодня, с гор пришел медведь, влез через отворенное окно и хоть не заел, но перепугал постояльцев. Теперь все окна, смотревшие на горы, были зарешечены, ну а выходившие на улицу городка – нет, хотя Александра не понимала, почему бы медведю просто-напросто не обойти дом!

Тем временем ручка все более поддавалась усилиям чертова Казика, и Александра забеспокоилась: а что будет, если она не сможет оглушить поляка кувшином? Поднять крик – для того, чтобы прибежал Чезаре и присоединился к насильнику? Александра чуяла, сидя бок о бок с Чезаре, что сдержанность итальянца весьма обманчива, а потому боялась его куда больше пана Козла. Наверное, на шум прибежит и хозяин – но Александра уже узнала в Граце, что такое добропорядочные австрийцы, и не надеялась ни на кого – только на себя и на Бога.

Пан Казик от усилий и неудовлетворенного желания потел сильнее обычного, и Александру даже через дверь замутило от его воню. «Засов» держался уже на честном слове, решающая минута была близка... как вдруг напряженный слух Александры уловил почти бесшумные, торопливые шаги по коридору, потом послышалось неразборчивое, но весьма возмущенное восклицание, звук удара – и падение тяжелого тела.

На миг Александра впала в столбняк от изумления, которое сделалось сродни потрясению, когда она различила злобную итальянскую скороговорку. Чезаре! Она еще выше занесла кувшин, готовясь отвесить добрый удар по голове итальянца, однако же приоткрывшаяся дверь сильным рывком из коридора была поставлена на место, а потом послышался такой звук, как если бы по коридору волокли что-нибудь тяжелое.

Александра едва не выронила кувшин и обессиленно прислонилась к стене...

Не скоро она поверила, что опасность миновала, но теперь на смену страху явилось любопытство поглядеть, не убил ли Чезаре пана Казика, а ежели убил, что намерен сделать с телом. И, в конце концов, даром она, что ли, одевалась?

Прислушавшись, Александра проворно выдернула из ручки стул-спаситель и, не дыша, вышла в узкий коридор, в самом конце которого чуть брезжил огонечек: верно, там была комната Чезаре.

Александра кралась, недоумевая, неужели этот шум не потревожил никого в трактире? Но, очевидно, хозяин-австрияк и вообразить не мог, что в его заведении может произойти нечто недобропорядочное, а потому мирно похрапывал под своею периною... и должен был благодарить за это своего ангела-хранителя, ибо, когда б он узрел то, что открылось глазам Александры, то непременно испустил бы дух. А она увидела...

Она увидела пана Казика, ничком валявшегося на полу неопрятной кучею жирной, беле-сой голой плоти. Над ним стоял Чезаре и, с ненавистью глядя на бесчувственного поляка, рас-стегивал штаны, бормоча:

– Carogna! Sudicio bestiame!¹⁴ Думаешь, я не хочу ее? И она принадлежит мне, но прежде – синьору! Да я лучше отрежу себе свой membro¹⁵, чем прикоснусь к ней. А ты, ты... осмелился протянуть свои грязные лапы к чужому добру? Тебя обуревало вождение? Ничего! Я сейчас покажу тебе, что такое истинное вождение!

С этими словами он вздернул слабо стонущего пана так, что тот взгромоздился на карачки, склонился над ним и... и Александра в первый раз в своей жизни (она могла только молиться, чтобы и в последний!) увидела содомский грех.

Приступ подступающей рвоты сотряс ее тело, и только этим спаслась она от обморока. На подгибающихся ногах, согнувшись, побежала куда-то, уткнулась, ничего не видя, в какую-то преграду, со стоном зашарила по ней... руки наткнулись на тяжелый железный засов, рванули его с силой, которую Александра и не предполагала в себе.

Хорошо смазанный засов бесшумно отъехал в сторону. Дверь распахнулась, влажная прохлада припала к лицу. Мгновенно стало легче, ноги перестали дрожать – и Александра ринулась с крыльца в непроглядную ночь, как в омут свободы.

¹⁴ Мерзавец! Грязная скотина! (итал.).

¹⁵ Член (итал.).

Глава IX

Змеинное ущелье

Она не знала, куда идти. Знала только, что не в горы, потому что за горами лежала Италия, а в Италии ей делать было решительно нечего. На фоне темного неба вершины Альп чудились еще более темными, аспидно-черными нагромождениями, и Александра, повернувшись к ним спиной, во всю прыть кинулась мимо спящих домиков городка.

Тучи разошлись, и стремительный бег по небу зверей зодиака почему-то растрогал Александра до слез. Однако чем ближе подступало утро и чем более высветлялось небо с восточной стороны, тем более беспокойство забирало ее душу. Александра в девочках была прилежнейшей ученицей (отец ее задался целью дать дочери приличное образование), однако география давалась ей всего хуже, но, впрочем, не настолько, чтобы не усвоить: если направляться к северу, восток будет справа, ну а если к югу, то слева. Александра всей душой и телом стремилась на север, однако небо светлело почему-то с левой стороны. Нет, не может быть, убеждала себя Александра, готовая уж лучше расписаться в своей забывчивости, чем признать очевидное и пугающее: она ведь повернулась спиной к горам, горы на юге!.. И так она и шла, упрямо устремив взор в каменистую тропку, которой сменилась дорога. Но когда рассвело, пришлось признать: она идет безнадежно на юг.

Горы были везде: справа и слева, позади и впереди. Куда бы Александра ни обратила взор, везде представляли пред ней необычайной величины предметы, которые природа для того здесь поместила, чтобы вселять в сердце человеческое чувства ужаса и восторга враз. В каменных стенах открывались пещеры, которые походили на те, из коих в театральных представлениях являются львы и медведи. Однако вблизи пещеры оказались не столь забавны. В какую-то Александра решила заглянуть. Сия расщелина была столь мрачна, что вода, истекающая из нее, чувствовала, казалось, облегчение, когда покидала эти тяжелые своды, а потому и бежала столь стремительно. Здесь Александра напилась, умылась. Вода была студеной, даже лоб заломило, и Александра ненадолго присела на жесткий островок травы, привалилась к камню, дала отдых усталым ногам. О, если б могла отдохнуть и голова ее, в которой так больно толкались мысли!

К досаде, что неверно выбрала дорогу, примешалась острая тоска по дому, где, верно, по ней тоже истосковались. Небось, кухня Евдокия ищет ее, да и бабушка, прослышав, что внучка не приехала на московскую свадьбу, сбилась с ног. В выигрыше только князь Андрей, которому не привелось венчаться с нелюбимой. Ну что же, хоть кому-то хорошо от того, что она сегодня сидит в альпийской теснине и не представляет, что делать дальше. Ох и устала же она! Понятно – ночь-то прошла в таких передрыгах... Хорошо бы сейчас немножко подремать. Может быть, голова перестанет болеть. Она с наслаждением смежила веки и уснула прежде, чем поняла, что засыпает.

* * *

Когда Александра вновь открыла глаза, уже близился полдень и стояла ужасная жара. Умывшись ледяной водой и напившись, она со всех ног побежала по горной тропе, досадуя, что потеряла столько времени на сон, что хочет есть, а с собой у ней нет ничего, что принуждена идти на юг, а не на север... словом, досадуя на все, всех и вся, а прежде всего – на себя. Возвращаться – значило неминуемо столкнуться с преследованием: едва ли Чезаре не пустился в погоню. А если идти вперед, может быть, когда-нибудь и удастся одолеть эти Альпы и выйти

в Италию и там попытаться найти помощь и защиту. В Риме есть российский посланник, а он наверняка знает отца. Значит, поможет!

Нет, все-таки плохо, плохо училась она географии, ибо о высоте и непроходимости сего горного массива у нее было самое отдаленное представление, так же как и о расстоянии до Рима. А впрочем, даже и знай она хоть что-нибудь об этом, все равно бы пустилась в путь с чисто русской бесшабашностью и отчаянной надеждой на Авося с Небосем, которые вдруг да вывезут!

Не вывезли, увы...

Примерно через час ущелье, которым шла Александра, начало подниматься и суживаться, и все выше становились его стены, с которых изредка свешивались ветви кустарника. То и дело путь ей теперь преграждали крутые обрывы, на которые надо было вскарабкиваться, чтобы снова оказаться на тропе, и совсем скоро платье и башмаки Александры изорвались, ладони исцарапались, горло горело, ноги подкашивались. Она еле брела, не осмеливаясь, однако, присесть отдохнуть, потому что боялась змей. Чем сильнее палило солнце, тем больше их выползало из расщелин погреть на солнце свои гибкие тела. На тропу они не спускались, однако Александре от страха уже сделалось холодно, она высоко подбирала юбки и смотрела, как бы не наступить змее на хвост.

Так вот она бежала и бежала, брела и брела, карабкалась и карабкалась, и хоть тропа поднималась выше и выше, Александре казалось, будто она все глубже и глубже опускается в ад, а потому гласом из преисподней почудился ей внезапный крик:

– Синьорина! Стойте, синьорина!

О нет, Господи, только не это!

В ужасе оглянувшись, она увидела внизу на тропе Чезаре, напоминавшего змею, вставшую на хвост. Да, змею! И все эти змейки вокруг были его лазутчицами, они-то и выдали ему Александру!

Дико вскрикнув, она перескочила через камень и не разбирая дороги понеслась в сторону от прежнего пути, по едва различимой тропочке, столь узкой, что, чудилось, набили ее не люди, а козы.

Александра надеялась затеряться среди скал, сбить Чезаре со следа, и надежда вспыхнула у нее в сердце, когда тропа перешла в тоненькую полоску, созданную природою меж двух обрывов мостика. Впереди круглилась ровная площадка, и Александра бесстрашно одолела мостик, надеясь бежать дальше, однако обнаружила, что оказалась не у подножия новой скалы, а как бы на островке, со всех сторон окруженном пропастями. Выходило, что она сама себя завела в ловушку, потому что спрятаться здесь было решительно негде. Александра ступила было на мостик, намереваясь вернуться на тропу и поискать другого убежища, но было поздно: из-за скалы появился Чезаре и увидел ее.

Он только махнул рукой, но не сказал ни слова, так запыхался при крутом подъеме, а потому просто приближался к скале, не сводя глаз с Александры. У пана Казика, с трудом выползшего из-за поворота, вид и вовсе был плачевный. Погоня, верно, окончательно лишила его сил: он едва дышал и даже стоять не мог – рухнул на четвереньки.

При виде этой позы ночные воспоминания, которые Александра доселе гнала от себя, подкатили к ее горлу тошнотворным комком. Вне себя от омерзения и отчаяния она принялась хватать камни и швырять их в преследователей – без всякой, впрочем, пользы, ибо их разделяло слишком большое расстояние. Однако тщетность усилий лишь подстегивала Александру, и наконец она схватилась не просто за камень, а за настоящую глыбу, натужась, выворотила ее из земли – и замерла, оглушенная дружным шипением десятков свившихся в клубки змей, которые все враз подняли головы и злобно забили хвостами, глядя на ту безумицу, которая потревожила их сон. Они поползли из своей ямы и вмиг увешали своими тугими телами все камни и валуны, а глаза их по-прежнему были прикованы к Александре.

– Синьорина! – пронзительно выкрикнул Чезаре – и зажал себе рот, увидев, что творится на каменном островке. Наконец он справился с собой и заговорил негромко, как с больной: – Ради святой Мадонны, не делайте резких движений, а медленно, очень медленно идите сюда, к тропе. Только подберите юбки, чтобы не задеть...

– Подберите юбки? – ехидно повторила Александра. – Это еще зачем? А может быть, мне и вовсе раздеться, к радости пана Вонючего Козла? Нет, я никуда не пойду. Да пусть меня лучше змеи съедят, чем я снова окажусь рядом с вами! А если вам так хочется меня снова заполучить, то идите сюда – и возьмите меня.

– Одумайтесь, синьорина! – пробормотал Чезаре, следя за каждым движением Александры и движением змеиных тел, усеявших островок, но еще не перекрывших единственный путь к отступлению.

Впервые Александра увидела растерянность на злобном лице итальянца, и это зрелище придало ей сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.